

Александр Хвостов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Отпусти любовь с улыбкой

Александр Владимирович Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48882774

SelfPub; 2021

Аннотация

Девушку-старшеклассницу предал её парень, изменив с другой. О своём горе девушка рассказала маме. Та делится своим жизненным опытом и убеждает дочь простить молодого человека. Содержит нецензурную брань.

Александр Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься и не злись!

В день уныния – смирись,

День веселья – верь, настанет!

А. С. Пушкин.

Однажды вечером, придя с работы, я не встретила на пороге моей дочери Лизы. Надо сказать, что такого никогда не было, потому что Лиза обычно всегда меня встречала, целовала при встрече, забирала сумки с покупками... А тут на тебе – тишина, словно всё вымерло! Почуя запах, вероятно, не так давно приготовленного ужина, я поняла, что Лиза дома. Да и не в её характере в вечернее время где-то ходить. «Может, ужин приготовила, прилегла да и уснула?» – думаю себе. Решив не голосить на всю квартиру, я поставила портфель с ноутбуком на пуф, разделась и прошла в спальню Лизы.

– Лиза, зайка мой любимый, ты спишь? – спросила я, войдя. Лиза не спала, но когда она ко мне повернулась, я увидела её красивые, светло-голубые глаза, полные грусти; точно чистое небо вдруг обложило огромными, тяжёлыми подушками туч, которые, того гляди, свалятся тебе на голову.

– Здравствуй, моя девочка! – сказала я, сев на постель,

обняв и поцеловав её. Дочь мне ответила вялым поцелуем. – Что с тобой, милая? Ты не заболела?

– Если бы я заболела – то была бы повеселее, – грустно иронизируя, сказала мне Лиза. – Меня Валик Воробьёв предал. И не просто предал, а ещё и оскорбил меня, извалял в грязи...

Тут слова Лизы прервались плачем. Я обняла мою ласточку и стала гладить её по спине. Валентин Воробьёв – это одноклассник Лизы и первая её любовь, вполне красивый, остроумный и, как я думала, воспитанный юноша. И потому слова Лизы о его предательстве и оскорблении вызвали у меня лёгкий шок.

– И как это произошло? – спросила я дочь.

– Всё начиналось с прошлого воскресенья, когда мы с Валиком хотели пойти в парк гулять, – начала Лиза, собравшись с силами. – А я тогда слегла с головной болью. Помнишь, ты ещё мне неотложку вызывала? – Я покачала головой. – Я тогда позвонила ему и предупредила, что плохо себя чувствую – и не смогу прийти. Валик мне ответил, что сочувствует и что он бы сам не смог вырваться, потому что родители к друзьям на пикник уехали, а он остался за бабушкой присмотреть. – Лиза снова сделала короткую паузу, после которой продолжила свой рассказ. – А вечером мне позвонила Сашка Звонарёва. Слово за слово, я поведала ей про свои дела и прибавила:

– Валик тоже дома скучает.

На что Сашка ответила:

– Милая моя, видели мы с Лёнькой, как скучал!

– В смысле? – не поняв, спросила я.

– Да он с Ленкой Филатовой из 10-го А на катке круги нарезал, – сказала Сашка.

– Не может быть! – не верю я. – Он же сам говорил, что родители уехали на пикник, а его оставили за бабушкой при-смотреть.

– Лизка, ты думаешь, я тебе вру? – спросила Сашка. – Да он с ней не только катался, но целовался без всякого стыда – и им было весьма нескучно вместе. Полюбуйся! – и на мобильник мне прилетела ММС, где Валик целуется с Филатовой. Это раздавило меня...

Лиза снова на мгновение всплакнула, но, овладев собой, продолжила:

– Какая сволочь! – невольно выдала я, забыв о Саше.

– Ты обо мне? – спросила она.

– Ой, прости, родная! – опомнившись, говорю ей я. – Я не тебя имела в виду. – И ты тоже прости меня, если сделала больно, – сказала Саша.

– Я на тебя не сержусь, – сказала я и мы простились. Сегодня я разговаривала с Валиком обо всём этом... На что услышала:

– Девочка моя, а с какой стати я должен тебе что-либо объяснять? Да и вообще, неужели ты думаешь, что я тебя люблю? Вот дура! Тоже мне, Татьяна Ларина! Да я тебе лишь

подыгрывал, видя твой интерес ко мне. А на самом деле – ты мне до фонаря, как и твои книги и умные разговоры. Ты на себя в зеркало взгляни: вся воспитанная, хорошенькая, умненькая... Прямо-таки юная послушница! Зато с Ленкой можно свободно и целоваться, сколько влезет, и кое-что другое себе позволить, благо, у неё всё, что надо, на месте. А тебя такую не то что в постель затащить, а просто если кто поцелует – его тут же вырвет от твоего воспитания...

Я влепила ему по морде и убежала в туалет, где и ревела всю перемену. После чего попросила Ирку Караваеву сказать англичанке, что заболела и ушла домой. – Так кончился печальный рассказ моей бедной девочки. Припав к моей груди, она тихонько заплакала. Я с нежностью и любовью гладила её по спине, целовала в макушку... мы сидели молча. Лиза быстро успокоилась (что было одной из черт её характера). Вытерев слёзы, она мне сказала:

– Мамуль, прости, я очень устала – и хочу лечь поспать.

– Хорошо, котёнок, отдыхай! – сказала я ей. Уложив дочь в кровать и чмокнув её на ночь, я покинула её спальню.

С того вечера прошли несколько дней. Всё это время я, насколько могла, наблюдала за Лизой, за её настроением, за её аппетитом и так далее. И в разное время суток я могла видеть разную картину: скажем, утром это была улыбчивая, ласковая, говорливая девчужка, с охотой наворачивающая люби-

мые сырники с вареньем или драники со сметаной и болтающая с тобой, например, о планах на воскресенье или на лето, а вечером это была какая-то угрюмая личность. И слова от такой не добьёшься, даже если перевернёшь её вверх тормашками и будешь трясти за ноги. И тут я понимаю одно: Лиза ещё страдает по Валентину – и здесь чисто бабским разговором делу не помочь. Тут следует поговорить с дочерью, сочетая в своём лице и маму, и психолога. В воскресенье, если будет погода, поедем в парк гулять! А то я сама уже почти посерела, мотаясь из дома в кабинет и обратно. Вот погуляем – а там и поговорим серьёзно!

Боженька будто бы услышал мои мольбы о погоде на воскресенье: день был солнечный и более-менее тёплый для зимы. Так что после завтрака, который в этот благословенный день начинается не столь рано, мы с Лизкой уехали в парк! Как там хорошо! Ребяшня с горок летает, снежками пуляется, замки и снеговиков лепит... Да и родители к этому бывают равнодушны иногда. Порой даже не ясно, кто больше удовольствия от игры получает.

Но вернёмся к нашим персонам! Гуляя по парку, я спросила у Лизы, что с ней происходит?

– Ты знаешь, мама, – отвечает дочь, – мне очень плохо... И плохо оттого, что я изо дня в день встречаюсь с парнем, которого я ещё люблю, но который меня предал, променял на эту безмозглую, говорящую куклу Филатову. Словом, повёл себя, как подонок! Не прощу ему этого никогда!!! Пове-

ришь ли, самым болезненным ударом для меня бывает момент, когда я их нечаянно застаю за поцелуем. Впечатление, что они нарочно выбирают такой момент, чтобы я увидела – и мне стало бы больней. Итог – я улетаю в туалет и там реву. Скажи, что в этой Филатовой такого... чем она лучше меня?

– А ты чем лучше? – спросила я Лизу.

– Не поняла, – сказала удивлённая дочь, не ожидавшая такого поворота от меня.

– Да элементарно! – говорю ей я. – Вот, например, ты только что назвала Филатову безмозглой куклой – по сути, сама оскорбила соперницу, да ещё за глаза; разве это может характеризовать тебя хорошо?

– Да ты её видела? – возразила Лиза. – Она же ничего, кроме модных и гламурных журналов не читает, с ней даже про фантастику не поговорить; а, скажем, из музыки она слушает Билана, Губина, Лазорева, «Корней» и «Зверей». Честное слово, она чуть ли не сходит с ума от счастья, когда или слышит кого-то из них, или говорит о них.

– А с тобой разве не так бывает, когда по радио поёт Агутин, Газманов или Леонидов? – спросила я дочь. Лизка притихла, видя очевидный факт, что она тоже светится, услышав голос кого-то из этих певцов. – А потом, мне так думается, причина твоих страданий ни в Вале и ни в Лене, а в тебе самой.

– Это как? – спросила дочь.

– А так! – говорю я. – Я слушаю тебя и нахожу противно-

речия. Например, ты говоришь, что любишь Валентина, – и в тот же момент выдаёшь, что не простишь его. Слава богу, я не слышала, что ты его и Филатову убить хотела бы. И, надеюсь, что этого не произойдёт. Милая моя, о какой любви тут можно говорить?! Человек любящий непременно должен прощать, даже если порой бывает очень больно. А ты, пока тебе сладенько было, так ты и радостной ходила; а как горечи хлебнул, так и жизнь тебе немила, и любимый – подонок, и новая его подруга – кукла безмозглая. Я, конечно, согласна, Валя обошёлся с тобой очень непорядочно. Однако твоё поведение в чём-то похоже на поведение обиженного ребёнка, у которого отняли его игрушку. И вот он плачет, требует, чтобы ему вернули эту игрушку, ему предлагают другие, но он их отбрасывает и требует ту, которую отняли. Вот и ты хочешь, чтобы Валя был с тобой, и готова ради этого злиться, плакать, ныть, жалеть себя... А нет бы, найти себе парня получше! А Валю простить и отпустить с миром.

– Да разве это можно простить? – спросила Лиза.

– А знаешь, – говорю я Лизе, вспомнив нечаянно свой курортный роман 16-летней давности, – когда я была немного моложе и ездила на море, то тоже влюбилась в одного красивого мужчину. Звали его Григорием Печерским. Он мне тогда очень понравился: высокий, темноволосый, зеленоглазый... Просто русский Ален Делон! Мы познакомились в кафе на набережной, где я отдыхала. Он подошёл ко мне и при-

гласил потанцевать – я согласилась. Почему бы нет! Разговорились, понравились друг другу – стали встречаться. Григорий очень красиво за мной ухаживал, цветы дарил, сонеты Шекспира читал, даже однажды серенаду рискнул мне спеть. И пел хорошо! Словом, мы много времени проводили вместе с первой же встречи: вместе ходили на пляж рано утром, пока там ни души, вместе завтракали, обедали, гуляли, ходили в кино, ездили на разные экскурсии и так далее. Благо, по словам Гриши, он был не женат, я тоже была свободна. Да, я была влюблена в этого человека, мне было с ним всегда радостно, тепло, хорошо и спокойно. Помню, как однажды бабахнула гроза (чего я боюсь до смерти!) – так Григорий тогда остался со мной на ночь, дабы мне было не так страшно. Да, я, конечно, понимала, что наш роман закончится – и мы разъедемся по своим городам... Но не думала, что наш роман закончится вот так: мы с Григорием договорились встретиться на набережной и погулять. Я пришла и вижу, как он разговаривает с блондиночкой, немного похожей на одну очень известную телеведущую с канала НТВ. У неё были такие же длинные, прямые волосы, большие, светлые глаза и такое же кукольное лицо. Она была одета в цветастый сарафан и белые шлёпки. Я увидела, как они любовно смотрели друг на друга, целовались... И мне вдруг стало и так больно, будто бы меня неожиданно сильно ударили в грудь. Собрав последние силы, я подошла к ним и, поздоровавшись, попросила Гришу представить мне молодую женщину.

– Ляля, жена Гриши, – сказала она первая каким-то сладким и противным голосом. И тут у меня был ещё больший шок.

– Жена? – спросила я, не веря ушам.

– Ну, да, – сказала Ляля. У Гриши было лицо, как у нашкодившего мальчишки, когда я взглянула на него.

– Милый мой, как мне это всё понимать? – спросила я его спокойно, хотя и не без злости. Он немного помялся, после чего сказал следующее:

– Оленька, милая, послушай меня, пожалуйста! Да, Ляля – моя жена. Просто у нас с ней такое хобби, если хочешь: мы каждое лето уезжаем по разным курортам и там позволяем себе короткие романы с отдыхающими. Спросишь – зачем? Да чтобы скучно не было, ну, и для новых впечатлений. А на кого мужчина или женщина верней пойдут? Конечно, на тех, кто свободны. Так получилось, что кавалер Ляли скоро уехал. Да и она очень соскучилась – вот и приехала ко мне.

Выслушав этот монолог, я ответила так:

– Знаешь, я, наверно, старомодная дура, но я не понимаю, почему, даже если ты изменяешь жене или мужу, нужно врать тому, с кем ты изменяешь, что не женат или не замужем? Не знаю, для кого как, а для меня эта ситуация более мерзка, чем если бы я знала, что у меня роман с женатым мужчиной. Заметь, я тебе не врала, что не замужем, а ты соврал – и мне с тобой больше не о чем говорить. Прощай!

Сказав всё это, я ушла в гостиницу. Запершись в номе-

ре, повалилась на кровать и долго плакала. Было ощущение, что меня саму раздавили, растоптали и растёрли по асфальту, а мою душу так, прошу прощения, изгадили, что её уже никогда не отмыть. Придя себя, я обо всём этом написала в письме Вере Ермолаевой, а она мне в ответе написала такие стихи:

*«Отпусти любовь с улыбкой,
Без обиды и без боли,
Не зовя её ошибкой,
Пусть летит себе на волю!
Не суди бывшее строго,
Не кричи: “О, что за муки!”,
Не сердись – тогда от бога
Помощи получишь руку».*

Не скрою, я сперва восприняла эти строки, как издёвку и едва не написала Вере: «Какие тут, к чёрту, улыбки!». Да опомнилась и подумала: «А Вере разве не тяжело воспитывать дочь с ДЦП? А ей не больно, что её муж бросил, не желая нести с ней этот крест? Однако же Вера не ноет, не дуетса и не злится, а живёт, любя эту жизнь, любя свою Соньку. Да и та растёт назло всем болезням весёлым и общительным человечком. Так что, Оленька, вытри сопли, успокойся и живи! Что до Гриши... Постарайся его простить; хотят бы просто для того, чтобы тебе было легче. А потом, разве до этого эпизода тебе было с ним плохо? Нет. Вот и возьми на память эти счастливые дни и отпусти любовь с улыбкой! В

конце концов, кто его знает, может, Бог пошлёт тебе человека, которого ты полюбишь во сто крат сильнее, чем того, о котором ты сейчас плачешь». И, написав Вере «спасибо за поддержку», я успокоилась и уснула. На другой день, поздно утром я пошла гулять и меня остановил администратор, вручая записку. Там было написано: «Мы уехали. Всего тебе хорошего и прощай! Гриша». «Что ж, – думаю, – и тебе всего хорошего!».

– Мама, а Бог послал тебе человека, которого ты полюбила сильнее прежнего? – спросила Лиза, когда я закончила свой рассказ.

– А как же! – говорю я. – Вот он, гуляет со мной по парку. И я его очень люблю.

– Я тоже люблю тебя, мамочка! – сказала дочь, целуя мне щёку.

Лиза простила Валю и больше не злится на него. Отныне она встречается с Денисом Крапивинным из того же 10-го А.
28 04 2016г.

«Прости, если любишь».

Повесть.

От автора.

Не надо думать, что мне не даёт покоя слава Гоголя или Дюма-отца – и потому я решил написать продолжение истории о Татьяне Чайкиной и её юной подруге Маше, которые за время совместного путешествия стали близки друг

другу. Помилуй, бог! Слава этих двух гениев останется мной нетронутой. Что же касается моей идеи написать продолжение этой истории – то для меня это своего рода эксперимент: мне просто в какой-то момент после написания первой повести об этих героинях стало интересно, во-первых, смогу ли я это сделать и что у меня из этого получится; а, во-вторых, я хотел взглянуть на то, как сложатся судьбы моих героинь после их поездки на море, будут ли они близки, да и вообще, кто чего будет достоин. Так и хочется процитировать Высоцкого: «парня в горы тyani – рискни!». И хотя в моей повести не парни, а женщины да и по горам им лазить не доведётся, но испытаний у них и того будет выше крыши. И, пожалуй, самым главными среди них я бы назвал три: испытание бедой, в которой окажутся обе героини; испытание мужеством одной из них, чтобы признать свои ошибки и попросить за них прощение; и испытание мудростью и любовью другой, чтобы суметь простить. Собственно, поэтому повесть и называется «Прости, если любишь»: потому что нелюбящий человек прощать не может и не будет никогда. И я хочу пожелать моим читателям в конце своего вступления любить друг друга и уметь прощать.

Ваш А. Х.

19-го августа 2017г.

1

Историю, которую я хочу рассказать, пожалуй, можно от-

нести к разряду детективных, поскольку она имеет довольно сильно закрученный сюжет. Однако, едва ли я могла подумать о том, что главными героинями в этой истории окажемся я и Маша, к которой я тогда уже относилась, как к своей дочери. Впрочем, и Маша тоже об этом не думала. И всё же судьбе зачем-то было угодно провести нас через испытание, о котором я сейчас вам и расскажу.

Пожалуй, следует начать с предыстории. Надо сказать, что мы с Машей после той поездки частенько или списывались, или созванивались, а иной раз и увидеться могли, поехать в воскресенье на озеро купаться... Словом, мы начали жить! Правда, она меня пока ещё называла тётёй Таней, но мне это было неважно. Самое главное, что я не чувствовала себя одинокой на этом свете, что рядом со мной был человек, любимый мной и любящий меня, и больше мне ничего не нужно! Соседям и знакомым я представила Машу, как курортную приятельницу. Как и следовало предполагать, было немало разговоров. Мне тут же стали промывать мозги на тему, что Маша аферистка, что она меня обворует и оставит на улице... Помню, один такой разговор случился, когда Маша была у меня в гостях. И затеяла его одна моя знакомая, у которой сроду не было ни котёнка, ни ребёнка, и которая всегда жила ради себя и своей карьеры. Маша это, к несчастью, услышала – её это жестоко обидело и разгорелся большой скандал.

– Как вам не совестно такое говорить? – взорвалась Маша,

влетев в гостиную и налетев на мою знакомую.

– Девушка, а вас хорошим манерам не учили? – спросила та. – Я между прочим с вами не разговаривала. А вы вмешались в чужой разговор.

– Со мной вы не разговаривали – это верно, – согласилась Маша. – Но вы говорили обо мне, показывая меня тётке Тане воровкой в данном разговоре, и мне это очень неприятно.

– Смотрите, какие барышни! – съязвила знакомая. – Ну, сказала я про вас и что? Да все вы одним миром мазаны! Все вы, особенно такие соплячки, как вы, мечтаете найти себе богатого или богатую «папочку» или «мамочку» с хорошей квартирой, привяжетесь к ним, «окучиваете» их, опаиваете, а потом они отписывают вам своё жильё – и вы их кончаете или делаете бомжами.

– Да я за свою жизнь, слава богу, ни у кого копейку не украла, а если было надо – могла своё отдать до последнего... – сказала Маша, почти плача.

– А это дело времени, – неумолимо отвечала знакомая.

– Маша, пойди, пожалуйста, в свою комнату! – сказала я как можно спокойнее. – Мы с тобой попозже обо всём поговорим.

– Да пошли бы вы с вашими разговорами! – последовал ответ Маши.

Сказав это, Маша ушла от меня в слезах. Хотя она приходила ко мне с намерением заночевать у меня и провести со мной будущее воскресенье.

Когда захлопнулась дверь – тут уже я сама набросилась на сидевшую ещё у меня мою знакомую:

– Довольна?! Какого чёрта ты вообще завела эту шарманку? Теперь я сиди и думай, что она и как она... Знаешь, если уж Маша меня когда-нибудь всё же обворует – то так мне и надо, старой дуре! И к тебе плакаться в этом случае я не побегу, не бойся! А теперь уходи отсюда!

– Да пожалуйста! – сказала моя гостья и ушла.

Почти весь остаток вечера я не могла найти себе места, думая о том, где Маша. Я пыталась её вызвонить, чтобы просто знать, что она жива и здорова... Но абонент был временно не доступен. Приняв на всякий случай валидол, я села на диван и стала читать, дабы хоть как-то отвлечься от тревоги; однако мобильник держала возле себя, чтобы, если потребуется, звонить до полночи, но добиться положительного результата! Впрочем, был и совсем крайний вариант – это вызвать такси и поехать к Маше домой. И я решила, что если до полдвенадцатого звонка от Маши не будет или я до неё не дозвонюсь, то я поеду к ней. Слава богу, в одиннадцать-пятнадцать зазвонил телефон! На экране светилось имя Маши.

– Алло, Маша! Ты где? – почти проорала я в телефон.

– Добрый вечер, это не Маша, – ответил чужой женский голос. – Это Саша, соседка Маши. А вы, я понимаю, тётя Таня?

– Да, она самая, – отвечаю я, забыв поздороваться. – А где Маша?

– Маша у себя дома, – ответила Саша, – просто она сейчас говорить не может толком.

– А что с ней? – спросила я.

– Да ничего серьёзного! Она просто немножко пьяна, – сказала Саша. Я обалдела после этой фразы. Думаю – «Ничего себе, девочка номера выделяет!».

– Я сейчас приеду, – сказала я и повесила трубку.

Так что вариант с такси всё же пригодился, но немного с другой целью.

Приехав к Маше домой и позвонив в дверь, я тотчас увидела на пороге высокую, светловолосую девушку в очках. По портретным описаниям Маши я поняла, что передо мной Саша Берестова. Мы поздоровались и она впустила меня в квартиру. В разговоре Саша рассказала, что когда они с сестрой готовились спать, к ним позвонила другая соседка с их площадки и сказала, что Маша лежит на лестнице и ей плохо. Те, как были в пижамах, так и выбежали, нашли Машу, Света тут же проверила пульс и похлопала по щекам... И когда Маша подала признаки жизни, всё стало ясно: девушка была пьяной в дрезину. Тем временем на лестницу вышел муж той же соседки, вызванный ей же. Он к тому же врач «Скорой помощи». Однако его помощи, как врача, не потребовалось, а вот его помощь, как мужчины, чтобы дотащить Машу до квартиры, оказалась кстати. Саша, взяв из сумки

Маши ключи, пошла вперёд, чтобы отпереть двери, а Света с мужем соседки тащили это горе луковое до места.

– Как её никто не обворовал, – сказала Саша, кончая свой рассказ. – Честно говоря, мы со Светкой были в шоке, когда увидели Машу в таком виде. Она ведь к вам собиралась ехать – где она умудрилась так «накачаться»?

– Это мы выясним только утром, – сказала я. – Саша, скажите, пожалуйста: это Маша попросила вас мне позвонить?

– Какое там! – воскликнула Саша. – Она «мама» сказать не могла. Правда, уходя к вам, она дала мне ваш номер на тот случай, если в квартире, не дай бог, что-то будет, а её телефон разрядится. А тут я сама залезла в её мобильник и позвонила, думая, что вы, наверно, волнуетесь за свою племяшку.

– Вы всё правильно сделали, Саша! – сказала я. – Спасибо вам и спокойной ночи!

– И вам спокойной ночи! – ответила Саша. – Нужна будет помощь – звоните в дверь сбоку.

– Спасибо, – сказала я. – Будем надеяться, что обойдёмся своими силами.

Саша ушла. Проводив её и закрыв дверь, я вернулась в гостиную (которая была ещё и спальней), взглянула на разложенный, застеленный постелью диван, где спало моё пьяное сокровище, и подумала: «Слава тебе, Господи, что она жива и невредима!». Подумав так, я невольно заплакала... Понимайте это, как хотите! Подойдя к спящей Маше, я осторожно

провела один раз рукой по её голове, ещё раз посмотрела на неё, улыбнулась... А после направилась к стоящему напротив креслу, села в него да и уснула тотчас.

Наступило утро. Я проснулась, как всегда, рано. Привычка – и тут ничего не поделаешь! Даже в воскресенье меня в постели не удержишь дольше, чем до шести утра, если только не привязать к ней чем-нибудь. Зато я много чего за это время могла сделать: повернуть стирку, приготовить завтрак и так далее. Вот и в то утро у Маши я решила не терять зря время и пойти кашу хотя бы приготовить да чай заварить. Маша ещё спала. Одеяло на половину сползло с неё на пол – и я, увидев это, сперва подошла к постели Маши и бережно накрыла мою девочку, после чего вышла в кухню. Осмотрев стоящий рядом со входом в кухню холодильник, я нашла бутылку молока и бутылку кефира. Нет, разумеется, были ещё кое-какие продукты, как, скажем, коробка яиц, докторская колбаса, граммов триста, где-то столько же сыра, пакетик творога, даже овощи и фрукты лежали в ящике... Так что, друзья мои, не надо сразу делать ошалевшие от ужаса глаза и думать, будто бы Маша голодом живёт, а я ни сном, ни духом. Просто мне что первое попало на глаза – то я и назвала. Молоко было в норме – и потому для каши годилось, а кефирчик слегка подкис – и я решила сделать ещё оладушки. Посмотрев полки, висевшие рядом с хо-

лодильником, и узкий шкаф-пенал, я нашла всё, что было нужно, включая и овсяную крупу. Не торопясь, я поставила на огонь ковшик с молоком и стала варить овсянку. Через некоторое время слышу шаги – Маша выползла из комнаты и направилась в уборную. Думаю, не стоит говорить о том, что происходило там с несчастной девочкой. Я, бросив ненадолго кашу, включила чайник, чтобы заварить чаю (что ж я, дура, сразу не сообразила?).

– Доброе утро, Маша! – сказала я, когда она, умытая, переползла на кухню.

– Тётя Тань, ты? – спросила Маша, уставившись на меня, будто не узнала.

– А кто ещё? – говорю я мягко. – Чаю хочешь?

Маша кивнула.

– Вот, пей! – сказала я, показывая на кружку. – А завтракать будешь?

– Если и буду – то чуть позже, – ответила Маша. – Господи, как башка болит! Тётя Таня, в шкафу, на дне стоит маленький ящик с таблетками – дай, пожалуйста!

Я достала этот ящик, Маша приняла обезболивающее, после просто некоторое время сидела молча.

– А ты как ко мне попала, тётя Таня? – спросила она, прервав паузу. Я в двух словах рассказала про всё, что было минувшим вечером.

– Так что скажи спасибо всем своим соседям, что не дали тебе пропасть! – сказала я в заключении.

– Да уж! – угрюмо сказала Маша, отпив из кружки. – Тётя Таня, я, мне кажется, вчера ещё и тебя обидела... Ты прости меня, пожалуйста!

– Я давно тебя простила, – с улыбкой сказала я и обняла Машу. – Хотя надо бы тебе всыпать ремня хорошего за то, что ты тут нам всем устроила.

Признаться, сказав последнюю фразу, я невольно усмехнулась сама себе: «Кто бы говорил про «всыпать»! Ты свою Анютку за всю жизнь даже и ладошкой не шлёпнула, а лишь устно ругала, если распускалась. Так что молчала бы, всыпучка!». Надо сказать, меня в определённом смысле порадовало, что Маша вспомнила о нашей ссоре: это означало, что у неё просто похмелье или отравление, без какого-либо более серьёзного вреда для памяти и психики. На мой вопрос, где она умудрилась так напиться, Маша рассказала вот что:

– После того, как мы с тобой поссорились, я пошла, было, домой. Однако по дороге мне позвонила моя однокашница по детдому Люба Комарова, ныне молодая поэтесса, выпустившая буквально только что свой первый сборник, и позвала меня в гости, чтобы слегка отметить это событие. Поверишь или нет, но я так обрадовалась Любкиному звонку, что вся обида тогда ушла долой! И я поехала к ней главным образом ради того, чтобы просто увидеться подружкой. И вроде винишко пили мы потихоньку, и поесть было... С чего я так окосела? Самое интересное, я помню, как Люба такси вызвала, как я туда залезла, сказала, куда ехать... То есть,

я была хотя и пьяной, но понимала, что делаю. А вот как в подъезд попала – не помню.

– Очевидно, ты дорогой уснула крепко и таксист, довезя тебя до места, вытащил, допёр до лестницы и положил там, – заключила я за Машу. – Ох, ёлки-моталки! Знаешь, Саша вчера удивлялась, как тебя не обворовали, а я, выслушав сейчас всё это, удивляюсь, как тебя не изнасиловали вдобавок, идиотку, или не убили. Ты понимаешь, как ты вчера могла влипнуть? Какого лешего ты не осталась у Любы, попёрлась ночью домой на такси? Приключений искала на свою задницу? Господи, прости! А ты подумала своей дурацкой башкой, что было бы со мной, с Сашей и Светой после этих твоих приключений? Одно слово – критинка!

Едва я закончила свой гневный монолог, как увидела, что Маша заплакала. Стыдно стало девчонке. Я села рядом.

– Всё, всё, успокойся! – сказала я прежним, мягким том, обняв её.

– Тётя Танечка, любимая моя, голубушка, прости меня ради бога! Прости, пожалуйста! – говорила она сквозь слёзы, целуя моё лицо. – Я больше так не буду делать никогда!

И я простила, поцеловав Машу в обе щеки, после чего мы ещё раз обнялись и наконец стали завтракать. С тех пор Маша, даже по праздникам, ничего крепче кваса в рот не брала. Мало-помалу Маша начала приходить в норму, стала улыбаться, даже решила прибраться в квартире, пока я пекла оладьи. Ближе к обеду пожаловали Саша и Света, чтобы про-

ведать больную. Маша им и впрямь обрадовалась, как сёстрам, обняв и поцеловав обеих девушек, и те поцеловали её в ответ, после чего все прошли в гостиную. Знаете, мне было радостно это видеть! Дай бог этим девочкам дружить так тепло ещё долго! Признаюсь честно, я краем уха нечаянно услышала их разговор и потому передаю его вам, как есть:

– Ну, ты как, сестрёнка? – спросила Саша.

– Да, слава богу, оклемалась! – ответила Маша. – Девчонки, спасибо вам за помощь.

– Да не за что! – сказала Света. – Хотя и напугала ты нас всех вчера! Мы думали, тебе плохо... Ты где вчера так отличиться умудрилась? – Как я поняла, Саша, вероятно, одёрнула Свету, так как ответа Маши на вопрос не последовало. В самом деле, вопрос был бестактным.

– Да, слава богу, что всё кончилось хорошо! – сказала Саша.

– Это верно! – согласилась Маша.

Я вошла в комнату и позвала девочек обедать.

– Спасибо, тётя Таня, – сказала Саша. – Но нам нужно в гости успеть к подружке. Мы пораньше вышли, чтобы Машу проведать заодно. А ты, Машуля, выздоравливай, а то нам скучно без тебя гулять!

– Я обещаю, – с улыбкой ответила Маша.

Мы простились и девочки ушли. Пообедав, и мы с Машей решили поехать в парк погулять, благо, на улице было не жарко, да и Маше, как она сказала, было бы не плохо про-

ветриться.

В парке было хорошо! Стояла мягкая прохлада, воробьи чирикают, ребячьи, отравившейся от своих родителей, резвится на площадке и кричит... Иногда даже казалось, что беспёрые «воробьи» перекрикивают пернатых. Родители, кто на лавочке сидел и за чадами смотрел, а кто прогуливался недалеко от площадки, при этом тоже смотря за детьми. Мы с Машей не спеша ходили по парковой аллее и болтали о разных мелочах, которые могли прийти нам в голову. И нам было в этот момент хорошо, потому что мы были рядом, как близкие и дорогие друг другу люди. Но едва ли мы обе представляли себе, какие ещё испытания нам выпадет пройти. Вернувшись домой к Машей, мы с ней решили расстаться, так как мне надо было ехать к себе, чтобы подготовиться работе.

– Тётя Таня, ты меня правда простила? – спросила она, прощаясь.

– Конечно! – ответила я.

– Я тебя люблю, – сказала Маша, обняв меня.

– И я тебя, моя милая, – ответила я. Мы обменялись поцелуями, Маша вышла из машины и, помахав рукой, вошла в подъезд, а я поехала домой.

Когда я приехала и, выйдя из машины, направилась к подъезду, то увидела возле своей двери небольшую собачон-

ку. Какой она породы – я не знаю, но у неё был тёмно-коричневый окрас. Увидев меня, животное подбежало ко мне и, глядя мне в глаза свои грустными и красивыми глазами, жалобно проскулило: «подайте, мол, добрая женщина, хоть корочку хлеба!». Ей-богу, мне её так жалко стало... И, как на зло, дать было нечего, так как я в магазин не заехала – поленилась. Не долго думая, забрала собаку к себе (к слову сказать, она была, простите, сукой!). Поднявшись на свой этаж, я встретила Михал Михалыча, идущего навстречу.

– Здравствуй, Танюша! – сказал он с тёплой, отеческой улыбкой.

– Здравствуйте! – ответила я. – Гулять пошли?

– Да надо бы кости размять, – сказал Михал Михалыч. – А ты, я смотрю, не одна пришла. – Да, это моя новая подружка, – сказала я. – Зовут Каштанка.

Как вы понимаете, кличку собаке я дала на ходу. А почему Каштанка? Отчасти из-за её окраса, да потом самым любимым рассказом Чехова у меня была «Каштанка».

– Тань, погоди! – сказал радостно Михал Михалыч. – Я сейчас принесу тебе кое-какие вещички.

Он ловко юркнул в свою квартиру и через пять минут вышел оттуда с поводком, ошейником, намордником, собачьими чашками и сухим собачьим кормом.

– Возьми, пожалуйста! – сказал Михал Михалыч. Я слегка растерялась. – Возьми, возьми! Всё равно мой Акелла помер – так хоть вам это сгодится.

– Как помер! – удивилась я.

– Да это ещё в твой отъезд было, – сказал Михал Михалыч. – Отравила одна гадина с соседней дачи лишь за то, что он лаял на проезжающие машины или на прохожих.

– Ой, как жаль, – сказала я.

– Да уж, – сказал Михал Михалыч. – Но наша жизнь продолжается – и потому будем жить!

– Будем! Спасибо вам, Михал Михалыч! – сказала я, забирая собачьи вещи.

– О чём ты говоришь! – ответил он с улыбкой. – На то мы и соседи, чтобы помогать друг другу! Ну, будьте здоровы!

– И вы тоже, – сказала я и мы разошлись. «Надо бы старика хотя бы на чай как-нибудь пригласить», – подумала я, идя к двери.

Дома первое, что я сделала, вымыла Каштанку, затем ополоснулась сама, а потом мы стали ужинать: Каштанка хрумкала свой корм, а я решила творожок поесть. Поев, я приготавливала всё к работе, а Каштанка спокойно лежала рядом со столом. Даже спать она легла нигде-либо, а возле моей кровати.

С того дня мы неразлучны. Обе скучали друг по другу, когда я уезжала на работу, и радовались встрече, когда я приезжала домой. Утром мы гуляли мало, зато вечером могли погулять подольше, при этом я могла Каштанке что-то рассказывать, а она это с интересом слушала... Словом, нам вместе хорошо! Маше Каштанка тоже понравилась. Правда, как

Маша сказала, она сперва удивилась, придя ко мне в субботу и услышав в ответ на звонок собачий лай; даже невольно подумала, а туда ли она попала? А потом спелись, две подружки, и мы гуляли уже втроём, что было ещё веселее!

2

Но вернёмся к нашей истории! Закончились новогодние праздники. Люди после весёлых, у кого-то, как у нас с девчатами, активных (мы всю неделю где-нибудь да тусовались! Чаще на катке!), у кого-то ленивых выходных, потихоньку стали перестраиваться на рабочий ритм жизни... Я и Маша тоже погрузились в работу, которой никогда меньше не будет: у меня – «проблемные» клиенты (то есть, приходят ежедневно с какими-нибудь проблемами), у Маши тоже свои дела и заморочки... Так что жизнь у нас была весёлая и была ключом! Конечно, наши встречи по выходным оставались в силе, если только у кого-то из нас не менялись вдруг планы: например, меня моя однокурсница, Люся Короленко, могла позвать в гости, Машу кто-то из её подруг могли пригласить или тоже в гости, или в бассейн... Так что, при нашей близости и любви друг к другу, у каждой из нас могла быть своя жизнь. Да нам и необязательно было всякое воскресенье видеться; вполне достаточно было или письма, или звонка, чтобы узнать всё друг о дружке и выделить среди всех прочих слов самые тёплые и дорогие: «Я тебя люблю». А после вспоминать это со слезами на глазах.

Кстати о бассейне: я, говоря с Машей по телефону, когда узнала, что она туда ходит, мне самой очень захотелось.

– А в чём дело! – отозвалась Маша. – Давай в следующий раз вместе и пойдём в бассейн!

Я согласилась – и в следующее воскресенье мы пошли вместе. Какой это был класс! Честное слово, уже после первого заплыва я чувствовала себя довольно бодро и хорошо! Ни усталости тебе, ни вялости, как было со мной в то утро... Красота! Но на второй заплыв я всё же не осмелилась. С тех пор у нас появилось ещё одно место, где мы иногда проводим время. Надо бы сказать, что людей в бассейн ходит не так много, даже из тех, которые приходят семьями. Оно понятно – кто-то за неделю набегался и хочет хоть в выходной полежаться на диване перед телевизором, а у кого-то просто есть другие варианты развлечений.

Наступила весна! Уже от одной этой фразы делается радостнее и много чего хочется: высунуть нос из-за шарфа и вдохнуть лёгкий, весенний воздух вместо жгучей стужи; душную шубу сменить на лёгкое пальто; да и вообще хочется жить, распускаться, цвести и пахнуть чем-нибудь приятным! Лучше всего розами, но если роз нет – можно пахнуть, например, шоколадом, который я обожаю.

У Маши тоже жизнь стала налаживаться, даже появился молодой человек по имени Рома Виноградов. Я впервые увидела Рому, когда Маша пришла с ним на мой день рожде-

нья 1-го апреля. Помню, тогда она меня представила Роме, как свою тётю. Я и не возражала. Каково моё впечатление об этом молодом человеке? Парень, как мне тогда казалось, он был не плохой, весёлым, даже вежливым... Ко всему выше сказанному Рома был ещё неопиcуемый красавчик с длинными, тёмными волосами, тёмно-зелёными глазами и чисто выбритым лицом, на котором была мягкая и тёплая улыбка, которая тебя, как большой плед, окутывала твою душу. Не знаю, почему, но я надолго запомнила одну эту улыбку. Рома работал звукорежиссёром в той же библиотеке, где и Маша (там-то они и познакомились, когда Рома пришёл устраиваться на работу), плюс ещё иногда по клубам шабашил. Что ещё мне и бросилось в глаза, и запомнилось – так это Ромина раскованность, свобода в общении. Он легко поддерживал разговор, тонко и остроумно шутил, бесподобно пел, для чего он тогда принёс с собой гитару... Словом, Рома меня просто очаровал! И, думаю, не одну меня. В какой-то момент молодой человек отпросился в туалет; я объяснила, где что находится – и он вышел. Через некоторое время он вернулся назад и снова развлекал всех нас. Как бы нам ни было в тот вечер хорошо и как ни хотелось продлить его ещё, хоть чуть-чуть, а пора было прощаться и расходиться по домам. Помню, провожая гостей, я тогда Маше сказала, задержав её в комнате:

– Дай бог тебе счастья, девочка моя! Самое главное – люби и будь любима!

– Спасибо, тётя Таня! – ответила Маша и поцеловала меня. Я же, ответив тем же и обняв её, сказала, наверно, бестактную, но понятную многим матерям вещь:

– Знаешь, я не скрою надежды, что однажды, если бог даст, увижу вашу с Ромой свадебку. Сама замужем не была, свою дочку не выдала – так хоть за тебя порадуюсь в этот день!

– Обязательно так и будет! – с улыбкой ответила Маша и снова мы в радости обнялись и поцеловались, не думая о том, какой фокус выкинет судьба в дальнейшем. Гости, простившись со мной, ушли и лишь Вера Караваева с Анастасией Федотовной остались помочь мне с посудой. И как я ни говорила, что сама всё приберу и помою, мне мягко, но ясно было сказано, что они не только мои гости, но и соседи, а ещё верней – родня (напоминая о крещении Ани)! А соседям и родне надо помогать! За уборкой и мойкой посуды мы, естественно, разговорились о разных мелочах. Не обошли и Машиного парня. Все мы вспоминали и его весёлые песни, и его остроумные анекдоты, над которыми вместе хохотали... Словом мы остались довольными этим юношей.

– Дай-то бог, чтобы у них с Машкой всё получилось! – сказала я и Вера с Анастасией Федотовной меня в этом поддержали. Покончив с посудой и проводив своих любимых соседок с благодарностью за помощь, я пошла спать, так как сил у меня уже не хватало ни на что.

Шло время – апрель уже сменился маем, а тот июнем. Маша всё реже появлялась у меня. Понятное дело: любовь началась – и хочется побольше быть рядом с любимым человеком, идти за ним, куда угодно, делать что-нибудь вместе с ним и так далее. Конечно, нельзя сказать, что Маша совсем забыть меня забыла, так как она по-прежнему и звонила, и писала... Так что мне тут обижаться грешно. И всё же, когда у нас случаются-таки встречи, не знаю, как Маше, а мне порой кажется, что прошла вся жизнь и мы свиделись в новой. И нам не терпится при этой встрече скорее выболтать всё то, что произошло у нас обеих в этой «прошлой жизни». Бывало даже и так, что Маша приходила вместе с Ромой, что меня ещё больше радовало, поскольку он был несчастный мой гость в силу того, что Рома где-нибудь подрабатывал. Впрочем, могло случиться и так, что Маша могла прийти ко мне, потому что поссорилась с Ромой. Вот одна из таких встреч: была среда, дело шло к вечеру, я собиралась домой с работы, когда Маша позвонила мне и предложила увидеться и вместе поужинать. Я согласилась, благо, поесть было что: в морозилке две пачкипельменей лежали, картошки можно было отварить или обжарить – так что нормально! Я тогда остановилась на пельменях, поскольку сама их хотела. Мы с Машей встретились почти одновременно: подъезжая к своему дому, я увидела, как во дворе её высаживал таксист. Я посигналила – она, выйдя и обернувшись, махнула мне рукой. Вскоре

после того, как таксист уехал, а я въехала на место, мы сошлись в самых тёплых объятьях и поцелуях.

– Рада тебя видеть, моя девочка! – сказала я.

– Я тебя тоже, – ответила Маша.

– Идём? – пригласила я и мы обе вошли в подъезд.

Лишь там я вспомнила, что мне надо ещё Каштанку вывести, о чём сказала Маше и предложила подождать с ужином.

– А если я собаку выведу, а ты ужином займёшься? – предложила Маша.

– Машулька, я тебе большое спасибо скажу! – радостно сказала я.

Так и поступили. Вот наконец всё было сделано, мы с Машей сидели за столом и я вижу, что Маша как-то вяло ест, хотя покушать она обычно не дура.

– Машуля, что случилось? – спросила я. – Что-то с ужином не так?

– Что ты, тётя Таня! – оживилась Маша. – Всё очень вкусно. – пауза. – Можно я останусь у тебя ночевать?

– Да, по-моему, на эту тему у нас никогда вопросов не было! – ответила я. – А что стряслось?

– С Ромкой малость поцапалась, – с неохотой ответила Маша. – И повод для этого был просто ерундовый: я закатила Роме сцену, что он в последнее время все ночи проводит на своих шабашках, а на меня у него времени нет, что я уже не помню, когда мы с ним просто гулять вечером ходили, а про то, чтобы ночевать вместе, я и вовсе молчу... Пони-

маю, конечно, я глупость сделала, но мне тоже иногда хочется внимания, любви и поцелуев. Впрочем, Рома был не лучше: вместо того, чтобы пообещать, что мы проведём время вместе любой из выходных, он на меня наорал, обозвал меня безмозглой самкой, которая ничего не умеет, как только «трахаться» в койке и что я бы могла это умение применить на панели – дескать, и удовольствие получишь, и денег зарабатываешь. Я влепила ему по морде от души за это и ушла с работы, сказав директору, что я плохо себя чувствую. А потом, чуть успокоившись, сама к тебе пришла.

Выслушав всё это, я пододвинулась к Маше, крепко обняла её и стала нежно гладить по спине, глубоко сочувствуя нанесённому оскорблению. Мне тоже не понравились хамские слова Романа в адрес моей девочки и, пожалуй, я бы тоже за них расплатилась, не давая в обиду Машу. Маша сперва тихонько плакала, уткнувшись в моё плечо, а потом успокоилась и всё, слава богу, нормализовалось. Помню, проплакавшись, Маша сказала, что не простит Рому никогда, но я посоветовала ей не решать с горяча, а попытаться дать обидчику хотя бы один шанс на исправление ошибок и примирение.

– Думаешь, это возможно? – спросила Маша.

– Если ты любишь человека, значит, постарайся суметь простить ему его обиду, – сказала я. – Я бы поступила так. В конце концов, ты сама сказала о том, что глупость сделала, что скандал затеяла. Следовательно, и тебе было бы хорошо извиниться перед Ромой. Ты его простишь, он тебя – и всё

будет хорошо!

– Тётя Тань, ты всё-таки идеалистка, – сказала Маша. – Но я постараюсь сделать так, как ты сказала. Обещаю.

На сём мы и закончили наш разговор, обменялись поцелуями и Маша решила пойти в душ, а после лечь спать. Я же быстренько сбегала за ночной рубашкой, отнесла её в ванную Маше, а после постелила постель в бывшей Аниной спальне. Вот Маша пришла и спросила у меня таз и стиральный порошок, чтобы постирать своё бельишко.

– А я сейчас сама тебе всё постираю, – сказала я. – У меня самой кое-какая постирушка есть – так и твоё бельишко освежим.

– Да как-то не удобно... – возразила, было, Маша.

– Милая моя! – спокойно прервала её я. – Не удобно бывает спать на бревне – или влево, или вправо свалишься с него. – Маша расхохоталась. – И запомни одну не хитрую вещь, девочка моя: ты тут не просто у меня в гостях, а это твой второй дом, где я тебя жду, как родного и любимого человека, для которого мне радостно сделать что-нибудь хорошее.

– Спасибо, тётя Таня, – утирая глаза, сказала Маша и легла в кровать. – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, мой котёнок! – сказала я, поцеловав её, после чего вышла из спальни, закрыв за собой дверь. Выстирав и развесив бельё, я и сама легла в постель, почитала немного один из романов любимого Дюма-отца и тоже стала

засыпать.

Хочу позволить себе небольшое лирическое отступление. В какой-то мере оно возникло и из нашего с Машей разговора об их отношениях с Ромой. В одно из воскресений я была у Ани на могилке. Причём была одна, даже Машу не взяла, чтобы спокойно поседеть и поплакать над моей девочкой. Понимаю, что слезами мёртвых не вернёшь... Но когда боль утраты, хоть иногда, напомнит о себе – то тут останется или волком выть, или сердце вырвать. Простите, я отвлеклась. Так вот, побыв у Ани и наведя у неё порядок, я стала собираться домой.

– Таня, ты? – слышу позади себя. Оборачиваюсь:

– Юра? Здравствуй! Вот, где мы с тобой снова свиделись.

– Да уж, – грустно хмыкая, сказал Юра, вроде всё такой же улыбчивый человек, каким я его знала много лет назад, во время нашего романа, с теми же ямочками на щеках, но уже малость потускневший. – Почему-то иначе встретиться у нас не получается: то ты ко мне с переломом ноги попадёшь, то теперь вот...

– Согласна с тобой, – ответила я. Наступила пауза.

К слову о переломе: мы с Юрой, правда, познакомились, когда меня по «Скорой» свезли в травматологию. А дело вышло так: была зима, скользко – я шла, как по проволоке, чтобы не упасть и не трахнуть обо что-нибудь головой. Но вот какой-то идиот, летевший чёрт знает, куда, толкнул меня сза-

ди – я упала и подвернула правую ногу. Слава богу, проходили мужчина и женщина, которые помогли мне встать, а когда я почувствовала сильную боль в ноге, женщина поймала проезжающую неотложку и они передали меня врачам. Прибыв в травматологию, врачи втащили меня к хирургу-травматологу, высокому, рыжеволосому мужчине с короткой стрижкой. Поздоровавшись, он спросил, что случилось. Я ему в двух словах сказала. Он меня кое-как разул, ощупал мою ногу, после чего, подозревая перелом, повёл меня на снимок. Так оно и оказалось. Итог – гипс и покой. Помню, тогда Юра, увидев моё огорчённое лицо, сказал мне: «Девушка, что ж вы так огорчаетесь! Мы ведь вам гипс будем накладывать на ногу, а не отрезать её! А перелом до свадьбы заживёт!». И, правда, я повела себя, как девчонка. Дабы отвлечь меня от этой неприятности, Юра спросил моё имя. Я представилась – он тоже. Так и познакомились. Потом, после лечения, мы стали встречаться и всё такое... Я однажды даже в гостях у Юры была и мать его видела. Это была весьма властная, себялюбивая, высокомерная и, как мне тогда показалось, не очень умная женщина. Впрочем, насчёт ума я могу ошибаться. Возможно, она была просто в чём-то несчастна – и это повлияло в итоге на её характер. И тем не менее я на всю жизнь запомнила наш первый разговор: вроде бы ни о чём неприличном меня не спрашивали – где я работаю, кто мои родители, но разговаривали со мной и смотрели на меня с высока, как будто я оборванка с вокзала. И хотя я держалась

достойно, говорила, что я психолог, что мама моя умерла, а папу я не помню... Но всё же мне самой было гадко от этой ситуации и хотелось уйти. И так же скоро я поняла, что такие мамочки скорее своих сыночков зарежут, чем позволят кому-то рядом с ними увиваться. Впечатление, что они малость перепутали детей со щенятами, и держат детей на поводке, чтобы можно было, когда надо, дёрнуть и скомандовать «рядом!». А дети, особенно мальчишки, по-моему, и рады быть этими «щенятами», боящимися своих хозяек и готовыми им подносить тапочки да ходить на задних лапках. Вот момент: однажды гуляем с Юрой по парку и он, не понятно, к чему, говорит мне, что соврал матери, будто бы ушёл к другу в гости ради встречи со мной. Я спросила – зачем? Он сказал, что я маме не понравилась и что она ему наказала со мной больше не встречаться. В ответ на это я сперва спросила Юру – говорили ли ему, что старших обманывать не хорошо? А после прибавила, что если мама сказала, чтобы мы не виделись, значит, маму нужно слушаться – и мы больше не встретимся никогда. Сказав это, я ушла домой, даже не сообщив Юре, что беременная. Зачем я это сделала? Во-первых, просто противно было видеть, как взрослый мужик боится своей матери – и понятно, что от него защиты не дождёшься; а, во-вторых, если он мать обманул – то где гарантия, что Юра меня не стал бы обманывать? Так что я не жалею о сделанном. Ну, вернёмся из прошлого времени в настоящее!

– А у тебя тут кто лежит? – спросила я Юру, прервав эту

паузу.

– Мама, – ответил он. – Умерла она два года назад от сердечного приступа.

– Мои соболезнования, – сказала я. Юра кивнул в ответ.

– А это твоя дочь? – спросил он, показав на Анину могилу.

– Да, – сказала я. – Погибла в автокатастрофе.

– Прими и мои соболезнования, – сказал Юра. – Всего 16-ть лет девчонке!

– Да уж, – ответила я с грустью.

В разговор вмешался звонок мобильного Юры.

– Да, зая! Тебе скучно? Потерпи немного – я скоро приеду и мы с тобой поиграем. Тебе купить что-нибудь вкусненькое? Эскимошку? Понял! Пока.

– Дочка звонила? – спросила я Юру, когда он закончил разговор.

– Нет, жена, – сказал он. Меня чуть не вывернуло наизнанку от осознания того, какие гадости я только что слышала. Особенно гадко звучало слово «поиграем».

– Так ты женат? – спросила я Юру, идя с ним к стоянке.

– Да и давно, – ответил он. – Ну как давно – скоро шесть лет. Она довольно хорошенькая, миленькая, работала медсестрой, но бросила и перешла в такси диспетчером.

– Что, в такси больше платят? – спросила я.

– Не то, чтобы больше, но, по крайней мере, график свободный – и ни тебе подъёма посреди ночи или в выходной, ни ночных дежурств, ничего! – ответил Юра.

– Понятно! – сказала я. – А дети у вас есть?

– Нет, – ответил Юра. – Почему-то бог не даёт. Мы уже и ЭКО пробовали... Но увы. Да мы уж и думать об этом потихоньку забыли. А ты замужем?

– Нет и даже не была, – сказала я.

– А дочь... – не договорил Юра.

– А ты думаешь, что ты у меня один был? – прервав, спросила я.

– Понял – не дурак! – сказал Юра и мы молча доходили до стоянки. – Тебя подвезти? – спросил он меня уже там.

– Нет, я на своих колёсах, – сказала я и мы простились. Сидя в своём не новом, но ухоженном Жигуле и видя, как Юра на своём явно новеньком, синим Рено улетал к своей зае, я невольно вспомнила слова одной старой песни: «Каким ты был – таким ты и остался, но ты и дорог мне такой». И верно, я поймала-таки себя на мысли, что я ещё люблю Юру и ничего не могу с этим сделать. Слегка всплакнув по своей любви давно минувших дней, я завела машину и поехала домой.

4

Наступившее утро было серым, пасмурным и прохладным. Нет, я бы, пожалуй, назвала его холодным, точно на дворе было не лето, а осень. Причём довольно конкретная – ветряная, прохладная и мокрая... И одна мысль, что мне и Машулке в этот холод и возможный дождь тащиться на

работу, сводила меня с ума. Впрочем, дело не только в работе: мне ещё Каштанку надо было вывести. Но нечего делать: завела животное – будь добра ходить за ним! С неохотой выбравшись из кровати, я достала тёплый спортивный костюм, тёплую рубашку, чистое бельё и пошла в ванную. Увидев меня, Каштанка начала, было, радостно лаять, но я ей пригрозила:

– А ну тихо – а то Машку разбудишь! – собака, как мне показалось, слегка сконфузилась. Я потрепала её по шее и улыбнулась. – Ну ладно, я не сержусь. Подожди чуть-чуть, сейчас мамочка оденется и мы пойдём гулять.

Знаете, я иногда внутренне улыбалась себе, говоря собаке подобные фразы: скажем, «Сейчас мамочка тебя покормит» или «Иди ко мне, иди к мамочке!». Иной раз я мысленно крутила пальцем у виска и говорила себе: «Ты уже с ума свихнулась на почве материнства». Но в то же время моё второе «я» мне говорило: «А что безумного в том, чтобы быть матерью даже для собаки и любить её с таким же теплом, как дитя? Ведь у неё тоже нет мамы и она так же одинока и нуждается в ласке, любви и заботе. А потом у Маши, хочешь не хочешь, а начинается своя жизнь – и тут уж ничего не поделаешь, как бы ты её ни обожала. Не прицепишь же девчонку к юбке и не будешь ей кричать, мол, «Я тебя никому не отдам»... Так ты и отношения с ней разрушишь, и сама дурой прослывёшь. Следовательно, можно попробовать быть матерью ещё кому-то. Хотя бы бездомной собаке».

Одевшись довольно скоро, я вышла из ванной, нацепила на собаку ошейник с поводком и мы пошли гулять. Ненастная погода даже Каштанке была не по нраву – и потому, сделав быстренько свои дела, она стала глядеть на меня умоляющим взглядом и также умоляюще скулить: «Пойдём домой – ведь холод собачий!». Мы пошли домой. Когда я отперла дверь – то поняла, что Маша встала и, вероятно, собирается в душ, так как свет в ванной горел.

– Маш, ты ещё не разделась? – спросила я, постучав в дверь.

– Секунду, тётъ Тань! – послышалось оттуда. Дверь открылась – и возникла Маша, завёрнутая в полотенце.

– Извини, Машуля, что побеспокоила. Можно, я Каштанке лапы вымою и кормить её поведу?

– Давай я тебе помогу! – предложила Маша. – Я подержу Каштанку, а ты помоешь её лапы.

– Давай! – согласилась я и вместе мы быстренько вымыли нашу любимицу, за что я Маше сказала спасибо. – Если я нам омлет пожарю – будешь?

– Буду! – сказала Маша.

– Ну и хорошо! – сказала я и переключилась на Каштанку: – Давай-давай, иди на кухню и смущай девушку! – Маша рассмеялась. Но собака пошла, куда велели. – Маш, твоё бельё на трубе висит, – сказала я, вновь обращаясь к Маше и покидая ванную.

– А я вижу, спасибо, тётя Таня! – сказала Маша и закрыла

дверь.

Пройдя на кухню, я сперва положила собаке поесть, а потом взялась за наш с Машей завтрак. Знаете, для меня омлет – не просто взбитые яйца с молоком, зажаренные в сковороде. Я люблю, когда в этой штуке есть помидорчик, немножко колбаски, всякой разной зеленушки и уж потом всё это дело заливается омлетной массой и в самом финале посыпается тёртым сыром. Впрочем, есть вариант натереть сыр в омлетную заготовку и после всё вместе влить в сковороду, но мне это меньше нравится. Да и сыр – компонент не обязательный и можно обойтись без него.

– Маша, кушать! – крикнула я в сторону ванной, раскладывая по тарелкам уже готовый омлет.

– Сейчас, тётъ Тань! – отозвалась Маша. Вскоре она вышла, одетая и с завёрнутой в полотенце головой. – М-м! Как у тебя вкусно пахнет. Слушай, а у тебя фен есть? А то я его в ванной не увидела.

– А я его у себя храню, – ответила я.

– Ладно, в другой раз найдёшь! – сказала Маша. – А сейчас давай завтракать!

– Хорошо! – сказала я. – Ты пить что будешь?

– Молочка стаканчик можно? – спросила Маша.

– Конечно! – сказала я и налила нам обоим молока. Почему-то и самой молока тоже захотелось. За завтраком повторилась почти та же история, что и накануне за ужином: Маша была хмурая и ела по началу вяловато, хотя и сказа-

ла мне, что всё очень вкусно. Только причиной была погода за окном и мысль, что ей придётся топтать на работу по этой погоде.

– Моя любимая! – воскликнула я. – Да я тебя отвезу! Только умоюсь, нарисую себе лицо и переоденусь. Дел на пять минут.

– А я помою посуду, – сказала, оживившись, Маша. Я согласилась. Ну надо же человеку дать хоть чем-то мне помочь!

Позавтракав, мы занялись каждая своим делом. Покончив с посудой, Маша забежала в ванную, сняла с головы полотенце, причесалась и мы поехали. Помню, дорогой я аккуратно её спросила – не забыла ли она наш разговор о их примирении с Ромой?

– Нет, тётя Таня, я не забыла. Я постараюсь попросить прощение у Ромы и простить его.

Подъехав к библиотеке, мы поцеловались на прощание, Маша обещала мне позвонить и вышла из машины. Мы помахали другу руками и я уехала на работу.

Вечером, когда я собиралась домой, на мой мобильный поступил звонок.

– Алло! – сказала я, взяв трубку.

– Привет, тётя Таня! – послышался в трубке голос Маши. – Как ты?

– Да я в норме, домой собираюсь, – отвечаю я. – А ты как?

– Я тоже в норме и тоже скоро пойду домой, – ответила

Маша. – Только до магазина пройдуся – поестъ куплю. Так что ты меня к себе не жди вечером, если что.

– Ну, хорошо, – спокойно сказала я. – Будь, как будет! Хотя ты знаешь, хорошая моя, что я тебе всегда рада. Как у вас с Ромой дела? – вероятно, мой вопрос покажется кому-то бестактным, но я задала его не с целью вторгнуться в чужую жизнь, а потому, что мне не плевать на судьбу близкого мне человека.

– Да, слава богу, помирились! – с улыбкой в голосе ответила Маша.

– Ну, слава богу! – согласилась я и мы простились.

Простившись с девочками, я уехала. Вера хотела немного погулять после работы, а Зина жила на другом конце города, плюс она сама за рулём. Слова Маши про магазин навели меня на мысль, что мне тоже туда следует заехать. В магазине мне надо было молока, хлеба, немного сыру и пару пачек пельменей. Денег хватило впритык. Утешало в этом положении, что на горизонте маячила зарплата.

Едва я вошла в подъезд и поднялась на первый этаж – как мне тут же кто-то дал сзади по голове и будто отрубил там свет, отчего я тотчас же упала на пол. Очнулась я лишь тогда, когда меня растормошили Рита, соседка с квартиры напротив, и её муж Лёня.

– Таня, Таня, слышишь меня? – спросила Рита, хлопая меня по лицу.

– Кто здесь? – сказала я, приоткрыв глаза. – Ритка, ты,

что ли?

– Я, Таня, я, – ответила Рита. – Как ты?

– Голова болит, – сказала я.

– Ясно, – сказала Рита. – Сколько пальцев я показываю?

– Три, – ответила я (их и было три!).

– Сотрясения нет – слава богу! – диагностировала Рита. –

Встать сможешь?

– Попробую, – сказала я и начала тихонько собирать свои конечности. Лёня мне помог.

– Что случилось, Таня? – спросила Рита, когда я поднялась. Я в двух словах объяснила.

– Так, ну, крови на голове я не вижу, – заметила Рита, осматривая мне затылок, – но шишка, наверняка есть. Дома посмотрим подробно.

Тем временем к нам по лестнице сбежал Даня, сын Лёни и Риты, подросток 15-ти лет. Он был вызван отцом, чтобы забрать у него пакеты с покупками и отнести домой, пока родители будут тянуть меня и мои вещи до места.

– Дома что-то надо сделать для тёти Тани – там, диван приготовить? – спросил Даня.

– Нет, спасибо, мы её к ней домой отведём, – ответил отец и Даня исчез.

– Оба! – воскликнул Лёня, собирая мои вещи. – Похоже, Тань, тебя обворовали.

Мы вместе осмотрели сумку и всё, что валялось возле: кошелёк, документы на машину, ключи от машины и от квар-

тиры, сберкарта были на месте; а мобильник пропал. Я стала осматривать и обшаривать себя: пропали мой нательный крестик, серебряное колечко и серёжки к ним, которые я купила Ане на 15-летие, а также бусы, сделанные и подаренные ей же её одноклассницей. Когда я не нашла всего этого – мне едва не стало плохо, так как это всё (кроме крестика!), что у меня осталось от дочери.

– Тихо-тихо, Танюша! – сказала Рита, услышав о пропаже и увидев, что я хочу зареветь. – Так, давай сейчас поднимаемся к тебе, приляжешь... – обратилась к мужу. – Лёнь, присмотришь за Таней – Чай сдаешь, милицию вызовешь... – снова обратилась ко мне. – А я у себя возьму аптечку и или таблетку от головной боли тебе дам, или укольчик поставлю.

Слова про укольчик были не случайны, ведь Рита работает медсестрой на «Скорой» – и уколы делает так виртуозно, что потом почти ничего не чувствуешь. Не удивляйтесь: просто иногда бывало так, что Ритина бригада иногда приезжала то ко мне, то к Ане, то к Маше, если было совсем плохо и приходилось звонить в неотложку. И потому, поднимаясь по лестнице, я выбрала укол, съехидничав, что через задницу головная боль быстрее проходит. Согласна, шутка неудачная, но никуда не деть того факта, что лекарства в уколах действуют эффективнее.

– Ну, слава богу, человек возвращается к жизни! – отозвалась Рита на мою шутку.

Открылась дверь – и Каштанка встретила нас радостным

лаем. Однако мне с моей больной головой было не до неё – и потому каждое её «гав» было для меня, как дополнительный удар по мозгу, отчего я довольно грубо отогнала её от себя (за что потом извинилась!). Рита помогла мне раздеться и отвела меня на диван, после чего убежала за лекарствами, Лёня тоже скоренько разделся, снёс мой пакет на кухню и включил чайник, после чего, войдя ко мне вызвал милицию.

– Лёня, можно попросить тебя ещё Машке позвонить? – сказала я. – Ты только не говори, что на меня напали, а объясни, что мне маленько плохо.

– Хорошо, – поняв всё, сказал Лёня. – А номер какой?

Я по памяти продиктовала Машин номер. – Она меня тётей Таней зовёт, – прибавила я – и сосед кивнул.

– Алло! Маша? Здравствуйте! Я Леонид, сосед тёти Тани по этажу. Она просит вас приехать, потому что ей маленько плохо. Сейчас приедете? Хорошо, ждём.

В моей просьбе Лёне не говорить о нападении не было ни капли намерения солгать: просто, если сказать, как есть, то Машка примчится, думая, что меня тут на кусочки разделили; а так она меня увидит, хоть и большую слегка – но целую, и я ей всё спокойно объясню. Да, мы малость поплачем, но это будет именно спокойный плач, а не истерика.

– А вот и я! – объявила Рита, вернувшись. – Ну, как вы живы?

– Да оживаем потихоньку, – сказала я. – Вот только лежать больно из-за шишки.

– Ясно, – сказала Рита. – Сейчас я руки вымою и во всём разберёмся. А ты пока руку оголи для укола!

Я сделала то, что сказала Рита. Пока она мне ставила укол, Лёня наводил для меня чай и тут в дверь позвонили: это была милиция.

– Добрый вечер, мне нужна Татьяна Чайкина, – сказал приятный, низкий мужской голос. – Я следователь Орлов, Андрей Сергеевич.

– Живёт тут такая, – ответил Лёня. – Подождите чуть-чуть – жена ей укол делает. – Рита вышла и сказала, что мы закончили. – Проходите, пожалуйста! – сказал следователю Лёня. В гостиную вошёл довольно нестарый, где-то под сорок лет, мужчина. Вот его портрет: внешне он почему-то напоминает пингвина – полноватый, круглолицый, с прямым и заострённым носом, под которым виднелись аккуратные, чёрные усы, а на голове такая же чёрная чёлка, зачёсана налево. Едва он показался в дверях, как я тотчас поднялась на диване и усеялась, заложив за спину подушку. Войдя и поздоровавшись, Орлов показал мне удостоверение, присел на поданный Лёней стул и начал задавать вопросы. Я рассказала о себе, где и кем работаю, а также всё, что смогла о происшествии.

– Скажите, потерпевшая, у вас есть враги? – спросил Орлов. Я удивилась.

– Какие враги? Я за всю жизнь мухи не обидела и ко всем относилась по-доброму.

– Всяко бывает! – сказал Орлов. – Быть может, скажем,

ваша помощь кому-то не дала желаемых плодов – и он (я так думаю!) решил вас убить, а ваши вещи прибрал, чтобы инсценировать разбой. И только своевременное появление ваших соседей и оказание вам помощи спасло вас.

– Дикость какая-то! – ответила я, услышав всё это. – Знаете, за время моей практики у меня, слава богу, не было случая, чтобы клиенты имели на меня зуб. Напротив, всегда приходили и приходят с благодарностью.

– Это хорошо! – с улыбкой подметил Орлов.

– И потом, – продолжала я, – чтобы получить плоды, как вы выразились, необходимо полное взаимодействие психолога и его клиента. А если клиент не прислушивается к рекомендациям психолога – тогда, конечно, плодов не будет и обижаться следует лишь на себя! Скажите, разве будет толк от лечения, если больной не принимает лекарства, прописанные врачом?

– Согласен с вами полностью! – поддержал меня Орлов. – Толку не будет.

В коридоре щёлкнул замок двери. Лёня, войдя обратно с кружкой чая, сказал, что это Рита вывела собаку. Подав мне чай, Лёня ушёл в уголок, где уселся в кресло и мы со следователем продолжали наш разговор.

– Позвольте личный вопрос, – нерешительно начал Орлов, – а у вас есть поклонник?

Не знаю, почему, но я вдруг рассмеялась.

– Что такое? – с удивлением и усмешкой спросил следо-

ватель.

– Андрей Сергеевич, побойтесь бога! Мне полтинник скоро – какие мне поклонники? Тут в пору за ум взяться да с внуками водиться!

– А одно другому не помеха! – сказал Орлов. – Я бы охотно поухаживал за такой красивой женщиной, но я, увы, женат.

Последняя его фраза меня малость смутила: видно, за столько лет без мужика я и впрямь напрочь забыла, что за мной можно ухаживать. Надо менять положение!

– Нет, Андрей Сергеевич, слава богу, на моей совести нет ни безответной любви, ни разрушенных семей. Так что с этой стороны вряд ли что-то можно найти.

– А с соседями вы со всеми ладите? – спросил Орлов.

– Да в общем-то со всеми, – ответила я. – Правда, есть один молодой человек из 15-й квартиры, зовут Стасом, вот он один меня не жалуется.

– За что? – спросил Орлов.

– Да было дело пару раз: один раз в начале весны. Я отдыхала вечером после работы, как вдруг наверху врубили на всю мощь музыку. Я потерпела, сколько могла, потом пошла попросить убавить звук. Высчитав, что музыка звучит из 15-й квартиры, я позвонила в неё. На моё удивление дверь сразу открылась и возник весьма нагловатый юнец. Я спокойно сказала ему мою просьбу – на что мне не без оскорбления было сказано: «Ты отдыхаешь – вот и дай нам, людям, отдох-

нуть!»». На следующий вечер я пожаловалась его родителям. А второй раз был пару недель назад: я ему замечание сделала за то, что он на всю улицу матом орал и прочие непечатные слова выговаривал, так он меня на три буквы... Ну, я вновь поднялась к его родителям и всё рассказала. Кстати, я его с тех пор не видела.

– Ну, проверить не помешает! – сказал Орлов. – И последнее: кто к вам чаще всего приходит?

– Чаще всего ко мне приходят соседки да моя племянка, Филиппова Мария, хорошая, добрая девочка, – сказала я.

– Филиппова, Мария... А отчество? – спросил Орлов.

– Она сирота, – сказала я. – Её мать умерла, а об отце я понятия не имею.

– Ясно, – сказал Орлов. – На сём мы пока закончим, только протокол подпишите, пожалуйста, «С моих слов показания записаны верно» и подпись.

Что я сделала.

– Да, – спохватился Орлов. – Телефон ваш можно попросить?

– Но только домашний, – сказала я и Орлов кивнул. – А вы ваш дайте, пожалуйста!

Мы обменялись номерами телефонов и Орлов ушёл – Лёня вышел его проводить. Не успел Орлов выйти – пришли Рита, Маша и Каштанка. Я вышла их встретить – Машка тут же обняла меня.

– Как ты, тётя Таня? – спросила она с тревогой.

– Да, слава богу, Машуль, всё потихоньку нормализуется! – ответила я.

– Ты зачем встала, балда осиновая?! – возмутилась Рита. – Тебе постельный режим нужен! – А в туалет мне ходить тоже в постельном режиме? – сострила я.

– Понятно, – сдавшись, ответила Рита. – Стоп! Таня, пойдём-ка назад – я тебе голову скоренько гляну.

– Ритка, имей совесть – меня сейчас прорвёт! – взмолилась я.

– Ладно, иди, горе луковое! – сказала, сжалившись, Рита и я мигом шмыгнула в туалет. Когда я пришла в гостиную, где собралась вся компания, то Рита тут же осмотрела мне голову.

– Шишка есть и хорошая, – сказала Рита. – Болит?

– Когда касаешься или когда я лежу, – сказала я.

– Ясно, – сказала Рита. – А сама голова болит?

– Маленько ещё побаливает, – сказала я.

– Ясно, – сказала Рита. – Давай, ложись отдыхай, а мы пойдём. И завтра побудь, пожалуйста, дома! Травма головы – это не шутка.

Я пообещала. Мы простились и Рита с Лёней ушли. Переодевшись в любимый халат, я всё же прошла на кухню, где маша разбирала продукты. Причём свои продукты!

– Маша, ты с ума сошла? – вскрикнула я, увидев это, отчего Маша резко обернулась.

– Тётя Таня, ты не пугай меня так! – сказала она с пере-

пуганным лицом.

– Ты зачем столько всего притащила? – спросила я. – У меня что, есть нечего?

– Ну, зачем сразу так? – отозвалась Маша. – Просто вы мне позвонили в аккурат, когда я из магазина шла. Ну, я, как была с авоськой, так и приехала.

– Понятно, – сказала я. – А Рома, наверно, голодный дома?

– Нет, – отозвалась Маша. – Он сегодня у матери ночует – там с бабушкой стало плохо. Так что его покормят. Гречневую кашу и курицу приготовлю – будешь?

– С удовольствием! – сказала я.

– Ты иди ложись! – сказала Маша. – Проводить тебя?

– Нет, спасибо, – сказала я, но, уходя, попросила Машу: – Маш, ты разложи мои продукты по холодильнику, пожалуйста!

– Хорошо, тётя Таня! – ответила она.

Ужин был великолепный! И после него как-то не поворачивался язык говорить о неприятностях. Но я всё же решилась рассказать о случившемся. Как и следовало ожидать, первой реакцией был шок: она сидела передо мной, как изваянье, с ошалевшими глазами и раскрытым ртом. Потом, осознав услышанное, Маша спросила, почему тогда Леонид сообщил ей, что мне плохо? Я объяснила и это, за что даже попросила прощения у Маши. Она поняла всё, приласкала меня и ободрила словами, что будет хорошо! Да, разумеет-

ся, всё будет хорошо, но это будет далеко нескоро! И нападение на меня – это было лишь начало тех испытаний, которые предстояло пройти мне и Маше. И одному богу будет известно, как нам удастся в итоге рассориться, не озлобиться друг на друга, не расстаться врагами, а помириться и (не побоюсь этого слова!) любить друг друга ещё нежнее, чем прежде. Но, главное, вряд ли я могла подумать о том, что скажет мне Маша после всего этого.

5

Какие сны я видела ночью – уж и не вспомню; впечатление, что я тогда проспала в абсолютной пустоте. И лишь, наверно, под утро мне приснился невероятный сон: воскресный день, я иду из церкви после молитвы и увидела на паперти пожилую женщину, просящую подаяния. Она была зеркально на меня похожа: те же светло-серые глаза, светлые, тонкие брови, чуть крупноватый нос и средней толщины губы... Да и само лицо женщины, конечно, с учётом её лет и морщин, было вполне обычным, как и моё, ну и волосы её поседели, а мои были светлые. Увидев вот это моё отражение, я остолбенела и стала на него смотреть, будто не веря том, что вижу и думая, что я в бреду.

– Чего стоишь столбом? – резко спросила старуха. Это на меня подействовало, как холодная вода. – Не видала, как милостыню просят?

– Видала, – сдержано ответила я.

– Так подай и иди своей дорогой, нече тут зенки пялить! –

сказала старуха.

– Простите, – также сдержанно отвечаю я, подавая ей десятку. – Я просто приняла вас за свою маму.

– Какая я тебе мама?! – закричала старуха. – Совсем рехнулась? Иди отсюда!

Я ушла, горько плача и не понимая, что я седлала плохого этой женщине? К слову сказать, я и проснулась заплаканной. Горечь не покинула меня и наяву – и после этого сна мысли о маме не отпускали моего ума: я хотела найти её, если она жива – увидеть и попробовать поговорить... Конечно, если она меня захочет видеть. В детдоме мне как-то сказали, что моя мама просто потерялась и её не могут пока найти. Теперь я понимаю, как мамы «теряются», оставляя ребёнка в роддоме. Впрочем, если мама умерла при родах – так хоть могилку её найти и туда приходить. В любом случае надо съездить в роддом! Вот только попаду я туда не скоро.

Вытерев глаза, я встала и пошла принять душ. В квартире было тихо, даже собака не лаяла. Правда, выйдя в коридор, я нашла в зеркале записку: «Тётя Таня, мы пошли гулять. Маша и Каштанка». Я, усмехаясь, подумала про Машу: «Ты бы ещё Каштанкину лапу приложила под её кличкой, как печать». Подняв себе настроение запиской Маши и своей шуткой над ней, я пошла в ванную. Наверно, минут через пять или семь защёлкал замок, а потом раздался лай – пришли мои гулёны. Маша постучалась ко мне.

– Входи, Машуль, не бойся! – крикнула я ей из-за шторы

– и Маша открыла дверь.

– Прости, тётя Таня, – сказала Маша, толи войдя, толи вбежав. – Я только тряпочку какую-нибудь намочу, чтобы Каштанке лапы обтереть.

– Там, в шкафчике, где всё для стирки, на нижней полке лежит стопка таких тряпочек, – сказала я, – бери любую, а я потом постираю.

– Поняла, – резво ответила Маша.

Просто у меня было несколько старых полотенец, которые пришли в негодность, и я их изрезала на тряпки для собачьих лап. Обтерев лапы Каштанки, Маша вернулась в ванную, чтобы вымыть свои руки.

– Тётя Тань, – быстро проговорила она. – Ты будешь ещё раз гречневую кашу с курицей? Там ещё просто осталось.

– С удовольствием! – ответила я.

За завтраком мы с не меньшим аппетитом, чем вчера, уплетали кашу и курицу, которые мне почему-то показались ещё вкуснее. Помню, я тогда предложила Маше взять у меня две пачки пельменей, сыр, молоко... Словом то, что купила в замен её покупкам. Маша выставила на меня свои удивлённые глаза и сказала, по-моему, слегка обидевшись:

– Тётя Таня, ты смеёшься? Неужели я себе поесть домой не куплю?

– Дело не в этом, Машуль... – начала было защищаться я.

– И потом! – прервав меня, начала Маша. – Я, пожалуй, к тебе ещё приду сегодня вечером, так как Ромка у своих – а

одной дома куковать как-то не фонтан.

– А у него разве семья есть? – невольно спросила я. – А почему он о ней не говорил ни разу?

– Понимаешь, тётя Таня... – замявшись, начала Маша. – Рома просто со своей семьёй не очень ладит по многим причинам, в том числе и из-за меня. Впрочем, если говорить точнее, самые нелады у него с бабушкой, весьма властной, я тебе скажу, женщиной.

– А ты что, её видела? – спросила я.

– А то! – сказала Маша. – Во веки не забуду того дня, когда я в первый раз пришла в их дом. Знаешь, я вроде бы и одета была не убого, и вести себя старалась пристойно, но старуха окинула меня таким взглядом, будто я к ним с помойки пришла. Помню, она приказала маме Ромы отнести ей чай с вафлями в комнату и ушла туда на всё то время, пока я была у них. Помню, я после того раза предложила Роме разойтись, раз я его бабушке не понравилась, на что он мне сказал: «Я девушку искал для себя, а не для бабушки. И потом, она всем и всегда недовольна, что не укладывается в её представлении о нормальной жизни: например, ей бы хотелось, чтобы мы с мамой до пенсии учили детей, как она, а мы выбрали то, что выбрали, и так далее. Так что не заостряйся на этом!».

Мать Ромы приняла меня более вежливо, даже чаем напоила. Да и семья там самая простая: мать – журналистка, бабушка – учитель по английскому языку.

– Однако для первого раза ты много узнала об этой семье, – заметила я.

– Просто мама Ромы оказалась женщиной общительной, – ответила Маша, – так что за чаем мы вполне мирно поговорили в придачу.

– Невольно напрашивается вопрос: а отец у Ромы есть? – спросила я.

– Ромка говорил, что есть, – начала Маша, – только они с матерью в разводе и Рома с отцом видятся на нейтральной территории.

– А почему Рома у домашних остаётся? – спросила я.

– Да просто мать уезжает в очередную рабочую командировку, – начала Маша, – и она попросила Рому побыть с бабушкой, так как та иногда болеет и за ней нужно присматривать.

– Что, там, правда, серьёзная ситуация? – спросила я.

– Как тебе сказать... – начала Маша, задумавшись. – Ситуация серьёзная – но поправимая: у бабушки Ромы гипертония и давление прыгает туда-сюда.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я.

– Во-первых, мне Ромка однажды рассказал, – начала Маша, – а, во-вторых, я просто видела бабушку Ромы в момент болезни, когда как-то раз вызвалась поехать с ним и помочь ему в уходе, так как матери нужно было отъехать по делу: она и впрямь была плоха. Однако соль в другом: бабушка, как мне тогда показалось, натурально получает удовольствие

от своей болезни.

– Это как? – спросила я удивлённо.

– Да элементарно, тётя Таня! – отвечает Маша. – Вот, скажем, ты меня встретила с улыбкой, хотя тебе после того, как ты получила по голове, было весьма несладко. А у Ромы бабушка просто-таки умирала тогда и даже, кажется, не старалась хоть немного улыбнуться, если не мне – то внуку! А про волю к выздоровлению и говорить нечего! Лежала весь день с кислой миной. Знаешь, глядя на то, как Ромка с бабушкой весь этот день валандался и на её жалкий вид, я невольно вспомнила известные строчки:

*«О, боже мой! Какая мука
С больным сидеть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь».*

Рассказ Маши был резок, но слова в нём всё же справедливы. Слушая его, я вспоминала немало примерно похожих историй из личной практики, когда люди, попав какую-нибудь непростую ситуацию, падали духом, пускали сопли и вообще обретали жалкий вид. Впрочем, бывали и такие, которые в буквальном смысле ищут такие ситуации на свою голову ради того, чтобы удержать родных возле себя. Например, я услышала как-то в новостях о том, как сын вышел в окно, чтобы не дать матери выйти замуж за своего бойфренда (любовника по-нашему!). И ладно бы, это был подросток лет 14-ти-15-ти, а то взрослый парень лет 20-ти, которому, по идеи, саму в пору с девчонками любовь крутить. Как он

сам пояснил потом: «Я просто не хотел, чтобы у мамы ещё кто-то был, кроме меня». Итог – парень стал инвалидом (вероятно, пожизненно!), а мать при нём сиделка. И все «довольны»! Я согласна с вами, товарищи читатели, история, рассказанная мной, бредовая и я бы сама не поверила, если бы слышала от кого-то, но своим глазам и ушам я верю и мне думается, что мальчик не дорос умом, коль не желает отвязываться от юбки матери и сломал сразу две жизни – свою и её. Впрочем, и маменька тут тоже постаралась, как можно думать.

И всё же, слушая рассказ Маши, как частный человек, а не как психолог, я, слегка обиженная его концовкой, спросила её: а если я буду старой и больной – то ей и со мной сидеть будет мука?

– Я обидела тебя? – тревожно глядя на меня, спросила Маша. Я честно сказала, что есть маленько. – Тётя Таня, прости, пожалуйста. Я всё сейчас объясню: для меня было бы мукой не то, что я должна буду за тобой ухаживать; я не побрезгую кормить тебя с ложечки, менять тебе памперсы, мыть тебя, читать тебе книжки... Поверь мне, я буду это делать с радостью и любовью. Но мне бы было тяжело всё это исполнять, если бы ты пала духом или вообще превратилась в капризную старуху, которая бы гоняла меня, как солдат вошь. Вот тогда бы для меня наступила «вешалка»!

– Всё понятно, – сказала я, качая головой.

– Прости меня ещё раз! – сказала Маша, взяв мою руку,

лежащую на столе.

– Я не сержусь, – сказала я, с тёплой улыбкой.

Уже кончился завтрак и я провожала Машу на работу, когда в дверь позвонили. Это была Вера.

– Привет, кума! – сказала она, войдя ко мне. – А ты чего ещё в халате? На работу не идёшь?

– Верусь, я сегодня дома посижу – приболела чуток, – сказала я и в двух словах объяснила, что случилось.

– Ух, едрёный веник! – выразилась Вера. – Да, подруга, влипла ты.

– Ничего, жизнь продолжается! – бодро сказала я.

– Тогда, конечно, отдохни денёк! – сказала Вера. – Тебе помочь чем?

– Да нет, спасибо, я сама потихоньку справлюсь, – сказала я.

– Я позвоню тебе в обед, – сказала Вера.

– Тогда только на домашний! – сказала я и дала Вере домашний номер.

На сём простившись, мы расстались с Верой и Машей, и закрыв за ними дверь, я вернулась в свою спальню и прилегла, потому что чувствовала, что у меня слегка кружится голова. Знаете, что больше всего ненавижу – это любые недуги, даже если это головная боль, потому что их надо вылёживать. А для меня лежать в постели из-за болезни – это что-то вроде новой формы садизма, потому что я человек весьма активный, и потому, если уж попала в такую ситуацию,

старалась из неё поскорее выбраться на свободу. Понимаю Риткину заботу обо мне и благодарна ей за это, но лежать в кровати я могу только во время сна.

Лёжа в постели, я не заметила, как заснула, и проснулась, когда зазвонил телефон. К слову, был обед – и я думала, что или Вера, или Маша звонят, чтобы справиться, как я. Однако позвонил Орлов.

– Здравствуйте, Татьяна! Это Андрей Сергеевич.

– Добрый день, Андрей Сергеевич, я вас узнала.

– Как вы себя чувствуете?

– Слава богу, Андрей Сергеевич, потихоньку поправляюсь. А у вас новости есть?

– Есть немного: я проверил вашего соседа-грубияна и выяснил, что он в больнице с переломом ноги лежит – так что у него самого крепкое алиби. Правда, я поговорил и с ним – спрашивал, не подговаривал ли он кого-то из дружков своих, на что он ответил отрицательно... Но это мы проверим.

– Дай-то бог, Андрей Сергеевич, чтобы в нашем с вами деле одним негодяем стало меньше!

– Спасибо вам большое, Татьяна, за эти слова. До свидания.

– Всего вам доброго, Андрей Сергеевич.

Закончив разговор, я пошла переодеться, поскольку надо было кончать с этим халатным настроением! Лучше я по дому что-то буду поделывать, прерываясь на отдых, чем про-

валяюсь весь день, как квашня в халате. Сменив халат на любимый синий костюм в цветочек, который Вера однажды приняла за пижаму, я пошла сперва обед себе приготовить, а, поев, стала по дому крутиться: прибирать, гладить... Разумеется, давая себе отдых, во время которого я смотрела кино и вязала. Вера позвонила где-то ближе к трём часам. Я ей сказала, я в порядке, что отдыхаю и смотрю телевизор.

– Ну, слава богу, Танюша! – сказала Вера. – Я вечером тебя навещу.

– Я буду только рада, – сказала я и мы простились. Под вечер позвонила и Маша с тем же вопросом и сказала, что она скоро приедет ко мне. Переговорив с Машей, я пошла готовить ужин. Не знаю, почему, но мне очень захотелось жареной картошки с зелёным салатом. Слава богу, среди Машкиных харчей оказалось и картошка, и зелень – и потому я скоренько почистила картошку и поставила жариться, а за это время покрошила зелень и заправила сметаной. Вот и ужин был готов, и Маша с Верой пришли, и мы уж сели за стол, как вдруг в дверь позвонили.

– Кто там? – спросила я.

– Полиция и следователь, – был ответ оттуда. И голос принадлежал Андрею Орлову. Я открыла дверь и увидела его вместе с опергруппой в гражданской одежде.

– Добрый вечер, Андрей Сергеевич! – сказала я.

– Добрый вечер! – ответил Орлов. – Можно пройти?

– Да, конечно! – сказала я. Они вошли. – Чем могу по-

мочь?

– Мария Филиппова не у вас находится? – спросил Орлов.

– У меня, – сказала я, тихонько бледнея. – Маша, подойди, пожалуйста!

Выходит Маша, здоровается и спрашивает Орлова, чем она может быть полезна?

– Гражданка Филиппова, вы задерживаетесь по подозрению в разбойном нападении на гражданку Чайкину, – объявил Орлов. Я и Маша были в шоке. – Собирайтесь!

– Стоп, стоп, стоп! – сказала я, едва понимая, что происходит. – Будьте добры, Андрей Сергеевич, объяснить, причём здесь Маша?

– А очень даже причём! – сказал Орлов. – Нам поступил сигнал от неизвестного, что похищенные у вас вещи находятся у гражданки Филипповой по адресу улица Полярная, дом 11, квартира 9. Мы проверили эти сведения и нашли на квартире гражданки Филипповой ваши вещи, бейсбольную битку и перчатки. Вот протокол изъятия. – читая предъявленный мне протокол, я и верила, и не верила своим глазам. Неужели же я пригрела-таки на груди змею? – А вы, гражданка Чайкина, тоже собирайтесь: поедете на опознание ваших вещей.

– Хорошо, – сказала я. – Только, если можно, я возьму свою машину, чтобы мне было, на чём домой приехать.

– Да, конечно! – сказал Орлов.

– Вера, можно попросить тебя собаку вывести? – спросила

я.

– Легко, – сказала Вера. Я дала ей ключи и пошла одеваться.

Мы поехали в отделение, где в своём, видимо не так давно отремонтированном кабинете, Орлов предъявил мне все мои вещи. Я их, конечно, опознала, но забрать, правда, не смогла, так как они являлись вещ-доками. Однако, покончив со всеми формальностями, я, с горяча, по глупости, как угодно, сказала Маше:

– Вот такого я от тебя не ожидала. И это за мою любовь и заботу? Ну и дрянь же ты! Дрянь и воровка! А я и верно, старая дура, раз люблю всех и делаю всем добро, не думая о том, кто и чем мне за это добро отплатит.

Маша мне попыталась сказать, что она не виновата, но её не услышала и быстро ушла из кабинета следователя А. С. Орлова. Сев в машину, я не утерпела и расплакалась так, как не плакала, пожалуй, с похорон Аниуты. Мне действительно было больно и обидно, что человек, которого я любила самой нежной, материнской любовью, отплатил мне за неё такой гадкой подлостью. Уж лучше бы Маша мне нож вонзила куда-нибудь! Хотя не так больно было бы. Выплакавшись и вытерев глаза, я завела машину поехала по городу, желая выкатать всю горечь и успокоиться. Объехав весь город и посмотрев в очередной раз на нарядный вид его улиц, усаженных самыми разными цветами, которые сменяли друг друга, как огоньки гирлянды на ёлке, я поехала домой.

Подъехав к дому, я задержалась в машине. Мне пришла в голову вот такая мысль: что-то быстро милиция нашла моё добро. И почему оно, собственно, оказалось у Маши? Вариантов ответа может быть минимум три: либо Маша кого-то навела на меня, либо она действовала с кем-то в сговоре, либо её подставили. Едва я немного сползла по спинке сидения и устроилась чуток подумать, как в окно постучали. Яглянула – и увидела добродушное и весёлое лицо Лёни, на котором красовались аккуратно подстриженные тёмные усы.

– Привет, соседка! – сказал он, когда я вышла из машины. – Я смотрю, ты оклемалась, раз за руль села?

– Да нужно было съездить в милицию для опознания моих вещей, – сказала я.

– Нашли?! – удивился Лёня. – Скоро они!

– Вот именно! – заметила я. – А знаешь, у кого? У Машки.

– Это у твоей племянницы? – спросил Леонид в шоке. – Вот тебе на! Да, Таня, «везёт» же тебе.

– Лёня, помоги, пожалуйста! – взмолилась я. – Ты ведь частный детектив?

– Ну да, – сказал Лёня. – А чем я могу помочь?

– Знаешь, пойдём ко мне – там и поговорим толком! – предложила я.

– А почему не ко мне? – спросил Лёня. – Рита на дежурстве, а у Даньки свои интересы... Так что нам не помешают.

– Мне просто нужно куму отпустить, – сказала я. – Она меня там дожидается вместе с собакой. И потом я ещё не поела.

– Хорошо! – уступил Лёня. – Я своё всё отнесу и приду. Едва я вошла к себе в квартиру – Вера тут же спросила меня как я?

– Да нормально всё, Веруся, – отвечаю я спокойно. – Жизнь продолжается – и надо её дальше жить, что бы там ни случилось. А вы как без меня?

– Да тоже всё нормально, – сказала Вера. – Собаку твою я выгуляла, помыла и покормила. – Вера, я тебя обожаю! – сказала я, обняв и поцеловав её. Она ответила тем же. – А сама поела?

– Да, я немного картошечки с салатом поела. Всё было очень вкусно, – сказала Вера. Я, услышав слова, что всё было очень вкусно, даже слегка улыбнулась. – Тань, я, пожалуй, пойду.

– Да, конечно! – сказала я. – спасибо за помощь.

Когда Вера уходила, пришёл Лёня и Вера, поприветствовав его, спросила о цели его визита ко мне.

– Да вот у Тани возник небольшой вопрос в сфере право-ведения и она попросила меня о консультации, – сказал Лёня. Вера кивнула понимающе головой и мы простились.

– Поешь со мной за компанию? – спросила я Лёню, когда мы с ним вошли в кухню.

– Можно немного, – сказал он. Я положила нам понемногу

картошки с салатом, сделала по чашке кофе и мы, ужиная не спеша, продолжали разговор.

– Итак, мы остановились на том, что милиция быстро нашла моё добро и нашла его у Маши, – начала я. – Я, хоть и не следователь, и не опер, но мне кажется, что как-то подозрительно-удачно всё сложилось. Впечатление, что милицию на Машкину квартиру навели. И я тебя прошу, Лёня, помочь разгадать этот ребус.

– Считаешь, что Машу подставили? – спросил Лёня.

– Не исключаю, – сказала я. – И подозреваю, что это мог сделать её парень, Роман Виноградов.

– Почему он? – спросил Лёня.

– А я тебе расскажу, – сказала я. – Знаешь, парень с виду вроде бы неплохой, вежливый... Но в тоже время себе на уме: про себя почти ничего не рассказывает, разве что где родился и учился, а, скажем, про семью – об этом он почему-то совсем не рассказывает, будто бы там не о ком говорить. Хотя, по словам Маши, он из вполне интеллигентной семьи: бабушка – учитель английского языка, мама – журналистка. Да что там про семью рассказать! Рома обычный телефонный разговор прервёт, едва завидя постороннего, точно он с собеседником на том конце готовятся взорвать могилу Джона Кеннеди и обсуждают, как лучше это сделать. Вот пример: как-то в субботу Маша и Рома пришли ко мне в гости. Мы все поужинали и Рома вышел в подъезд покурить, а мы с Машей пока посуду помыли и поболтали о своих де-

лах. Погодя так немного, я предложила чая с пирогом – Маша согласилась. Я сказала ей всё устраивать для чаепития, а сама пошла позвать к столу Рому. Выйдя в подъезд, я слышала, как Рома, сидя на ступеньке и куря, с кем-то весьма мило разговаривал. И, судя по разговору, это была девушка, поскольку я нечаянно услышала фразу: «Знала бы ты, моя киска, как мне хочется к тебе, в твою кроватку! А я тут с этой овцой и её тёткой, старой курицей, тухну. Господи, как бы от этой дуры влюблённой отвязаться?». Я кашлянула – Рома обернулся и мигом обрубил связь. Я, будто ничего не слышала, пригласила его на чай – Рома вежливо отказался и я ушла. Так что я бы сказала ещё, что он гниловатый человек. Вернувшись в квартиру, я Маше тогда ничего не сказала. И вот теперь понимаю – зря.

– Ты думаешь, что этот Рома мог напасть на тебя, чтобы отделаться от Маши? – спросил Леонид.

– Я бы этого не исключала, – сказала я. – Понимаю, версия бредовая, но, в свете всей этой ситуации, именно это пришло мне на ум. И потом, скажи, станет ли нормальный преступник хранить улики у себя? Да он их тотчас скинет где-нибудь и привет! Если, конечно, он не законченный жлоб или идиот. Разве не так?

– Мыслишь верно! – подметил Лёня. – Продолжай!

– Допустим, Машка совершила разбойное нападение на меня. Но есть одно «но»: чтобы трахнуть меня по башке, ей надо было бы встать на табуретку, так как она ниже ростом.

Впрочем, возможен и такой вариант, что Маша могла навести Рому на меня... Зачем – это второй вопрос. Но даже если и так – то она бы подумала о том, куда бы это всё девать. В общем, Лёня, разберись, пожалуйста! Если Маша виновна хоть как-то – то пусть отвечает по всей строгости, а нет – то надо её вытаскивать из этого гадюшника.

Леонид согласился.

– Мне нужно фото этого Романа Виноградова, – сказал он.

– Если только у Маши на странице можно что-то найти, – сказала я.

– А близкие подруги у Маши есть? – спросил Леонид. Я назвала Сашу Берестову и сказала, что они коллеги и соседки. – Вот это совпадение! – добавил Леонид с улыбкой.

Пужинав, мы прошли в мою комнату. Я запустила компьютер, вошла с моей страницы на Машину, где нашла фотографии Ромы и Саши, скопировала их и сбросила Леониду на флешку.

– Спасибо, соседка! – сказал Лёня, беря свою флешку.

– За что? – спросила я.

– Ну как! – удивился Лёня. – Ты и накормила меня вкусно, и поговорили мы обстоятельно, и фотографии ты мне скинула.

– Пожалуйста, – сказала я с улыбкой.

– Как что-то будет – я позвоню, – сказал Лёня.

– Тогда вечером и на домашний, – сказала я.

– Хорошо! – сказал Лёня. – Ладно, пошёл я. Пока.

– Пока, – сказала я. – Я провожу тебя.

Закрылась дверь – настала тишина. Я бы могла сказать, что она была гробовая, когда бы не заскулила Каштанка. Я присела и ласково погладила её по спине, а она же как-то грустно, точно поняв моё настроение и всё, что произошло, смотрела мне в глаза и, кажется, сама заплачет.

– Да, моя лапушка, – говорю ей я, глядя, – попала наша Маша в беду. Мне тоже без неё очень грустно... Ну, давай надеяться, что всё кончится хорошо! Будем надеяться? – собака, услышав в моём голосе нотки оптимизма, гавкнула и лизнула мне лицо. – Я тоже люблю тебя, моя девочка. Ложись, отдыхай! Я сейчас тоже отдохнуть лягу.

Каштанка послушно заняла своё место на коврикe. Я же, помыв посуду и вымывшись сама, встала перед иконой Иисуса Христа молила его как о помощи Маше, так и о том, чтобы в случаи, если Маша виновна, я бы смогла простить её или в случаи, если Маша не виновна, она бы смогла простить меня за то, я первая назвала её воровкой. Закончив молитву и перекрестившись, я разделась и легла в постель.

День начался в обычном ритме, ничего нового: прогулка с Каштанкой, потом мытьё её лап и моих рук и затем завтрак. Разумеется, у собаки – свой, у меня – свой. Ну, а после завтрака, чмокнув свою любимицу в её мокрый нос, я уехала на работу. Что поделаешь! Не умею я тупо сидеть дома на попе и дни напролёт или пялиться в телевизор, смотря там оче-

редную мылодраму, или раскладывать пасьянсы, или читать слюнявые романы. Мне всегда думалось (да и сейчас думается!), что от таких «занятий» у человека мозги превращаются, пардон, в кучу дерьма. Вот тут мне нечаянно вспомнилась одна история: как-то ко мне на страницу постучалась одна моя однокашница (позвольте, пожалуйста, мне не называть её имени!). Не скрою, я ей очень обрадовалась, так как мы после детдома лет сто не виделись, и тут на тебе! Я тут же ей написала едва ли не роман о всей моей жизни (утаила только Машу на всякий случай!) и спросила её, как она поживает и чем занимается, упомянув о её намерении поступить в пединститут. И что она мне пишет в ответе: «Ты знаешь, Таня, я по началу поступала в пед, даже училась два года... А потом однажды встретила симпатичного дяденьку-бизнесмена, понравилась ему, он меня взял на фирму секретаршей – ну, и пошло-поехало. Как ты, надеюсь, понимаешь, я исполняла не только профессиональный, но и любовный долг, о чём даже не жалею, поскольку шеф мне за это прибавлял маленько к зарплате. Теперь я его жена и вообще живу барыней в огромной квартире, делаю, что хочу: хочу – сплю до обеда, хочу – с подружками где-нибудь отдыхаю или одна гуляю, хочу – телевизор смотрю или читаю что-то незатейливое, хочу – шопинг устраиваю, благо, муженёк денежки даёт. Жалею ли я, что бросила институт и не стала работать учительницей? Знаешь, иногда лучше прожить богатой дурой в своё удовольствие, чем вкалывать на это чёртово го-

сударство, а оно будет тебе милостыню подавать, вместо того, чтоб платить зарплату и пенсию нормально». Читая эти строки, я, во-первых, поняла, что мне с этим человеком просто не о чем говорить, поскольку, она, вероятно, забыла и то, чему её учили в детдоме; а, во-вторых, я тогда подумала. «Господи, слава тебе за то, что я, живя трудно и бедно, шла к своей цели, делала своё дело, растила любимую дочь... И при этом никого не кляла, не злилась, не ныла, и уж тем более никому не лезла за деньги в кровать, чтобы после стать его женой и жить такой же богатой душой». Подводя итог, я скажу: я счастливый по-своему человек, так как у меня есть любимое дело, я могу общаться с людьми, узнавать об их проблемах, помогать найти верное решение... И сколько раз я слышала от людей: «Большое вам спасибо!».

Не скрою, я весь день прожила в напряжённом ожидании первых новостей от Леонида, как, пожалуй, болельщик наших футболистов ждёт чуть дыша, когда же, хоть один, да забьёт желанный гол в ворота противника. По мне даже не мурашки бегали, а ежи катались колобками туда-сюда-обратно, включая и пятую точку, которая была пристроена к любимому рабочему креслу. Мне реально было интересно – права ли я, подозревая Романа? Если да – то насколько я права? А главное – насколько ко всему этому причастна Маша? Если причастна вообще. Я, конечно, понимала, что сегодня не услышу ответы на все вопросы, но хоть что-то...

Домой я малость припоздала из-за того, что на Олимпийской, откуда я обычно без проблем выезжала к себе на Ленина, произошла неслабая автоавария, приведшая к пробке. Надо сказать, что я не видела сперва, что что-то впереди произошло – и потому не понимала, что там случилось. А когда пробка стала тихонько разъезжаться – я увидела две машины со в хлам разбитыми передами, а у одной из них, видать, от удара, даже лобовое стекло вывалилось. В общем, фильм ужасов! Слава богу, хоть без пострадавших. Добравшись кое-как до дома, я увидела Леонида, гуляющего с сыном и играющего с ним в футбол. Увидев это, я сама невольно в который раз вспомнила, как сама с Анютой любила поиграть в бадминтон, даже когда она уже была довольно большенькой. Вспомнила и улыбнулась, будто бы это время только что прошло мимо меня и с улыбкой помахало мне своей рукой. И я улыбалась ему без горечи и слёз, а ясно и легко, будто Аня не умирала никогда. Подъезжая к месту, я поиграла – Леонид обернулся и махнул рукой. Встав на место и выйдя из машины, я пошла на площадку.

– Привет, соседи! – сказала я, подойдя к Леониду и Даниилу.

– Здравствуйте, тётя Таня! – тут же ответил Даниил.

– Привет-привет! – сказал и Леонид.

– Я вижу, вы спортом решили позаниматься, – заметила я.

– Да, решили малость кости размять, – сказал Леонид. –

Хорошо, что ты подошла: разговор есть.

– Хорошо! – сказала я. – Подожди меня пять минут – я домой ненадолго сбегаю и вернусь. – Без проблем! – сказал Леонид.

Мне просто нужно было забрать Каштанку, чтоб погулять вывести, а то она уже волчком крутилась – так её, бедную, прижало... ну и самой в туалет сходить заодно. Выйдя снова во двор, я увидела, что Леонид сидел на лавочке у подъезда один.

– А Даня где? – спросила я его.

– Домой пошёл, – ответил Леонид.

– Зачем ты его отослал? – спросила я. – Пусть бы с нами гулял!

– А он сам решил уйти, – сказал Леонид. – Давай пройдемся!

– Давай! – согласилась я.

– Значит так, Таня, – начал Леонид, выйдя со мной на улицу, – я был сегодня у Маши на работе – там все в шоке, что она задержана... Особенно директриса, Ольга Васильевна. По-видимому, она Машу очень даже жалует, так как отзывается о ней, как о добросовестной и исполнительной сотруднице, а ещё хорошо человеком. Да и в коллективе Машу также многие любят за то, что она и поможет, и поддержит, и всё сделает... Правда, есть в этом коллективе одна особа, которая, по словам Саши Берестовой, тоже влюблена в Романа Виноградова. Зовут эту особу Виктория Дурова. Надо сказать, девушка хоть куда: высокая, стройная и длинново-

лосая брюнетка с довольно пышной грудью, чуть оттянутым к низу лицом и тёмно-зелёными глазами. Не удивляйся, я её тоже видел. Так что твоя Маша проигрывала этой Виктории под ноль. Вполне может быть, что Роман Маше с Викторией изменял. Однако не в этом соль! Я вот, что подумал: а ведь она тоже теоретически могла на тебя напасть. Ты же не видел, кто тебя по голове отоварил – так?

– Так, – согласилась я. – А у тебя эта мысль появилась, исходя из её роста?

– Не только, Таня, не только! – сказал Леонид. – Зоя, моя помощница, мне сбросила ссылку на страницу Виктории и я, пока ждал тебя, ознакомился с её содержанием: наша красотка активно занимается спортом, играет в теннис и вообще держит себя в прекрасной форме. Вот, глянь её фотки!

Я взглянула – впечатлило! Особенно фотография, где эта Виктория с гантелями. Такая вполне может двинуть. А так и правда, очень красивая девушка. Причём, даже на тех снимках, где Виктория, будучи в купальнике, показывает своё тело в прекрасной форме, она выглядела красивой и при этом не вульгарной, не пошлой. В то же время многоговоряще звучала и фраза в графе «О себе»: «Я добьюсь всего, чего захочу, и ничто мне не сможет помешать!». Тут даже не надо быть психологом, чтобы увидеть за этой фразой как целеустремлённого человека, так и человека, который ради своей цели может пойти на всё, вплоть до преступления, и даже совесть ему будет не указка. Хотя какая у преступника мо-

жет быть совесть?

– Думаешь, что Виктория тоже могла бы на меня напасть? – спросила я Леонида, возвратив смартфон.

– Я бы этого не исключал, – ответил он. – А идейным вдохновителем мог быть Роман.

– Или наоборот! – сказала я.

– Возможно! – поддержал Леонид. – В любом случае надо за этой парочкой присмотреть. Будем попеременно я и мои помощники ходить в библиотеку. Плюс Саша ещё малость помочь согласилась... Ничего, распутаем всё! Кстати, Романа я сегодня не видел на работе.

– А у него в семье небольшие трудности: там бабушка иногда болеет, – сказала я.

– Ясно, – сказал Леонид.

– Лёня, ты, если можешь, пиши пока мне обо всём в личку, – попросила я. – А я с зарплаты постараюсь купить телефон, чтобы быть на связи.

– Ну, хорошо! – сказал Леонид. – Тем более, у меня страница в той же сети, что у тебя, и я прямо сейчас скину тебе свой номер.

– Буду тебе признательна, – сказала я и Леонид тут же выслал свой номер телефона.

– А ты скинь мне, пожалуйста, номерок этого... Орлова, по-моему. Он мне может пригодиться.

– Хорошо, – сказала я. И, придя домой, я так и сделала, Сделав довольно большой круг, мы вернулись домой и,

поднявшись на свой этаж, простились и разошлись по своим квартирам.

Жизнь моя между тем шла своим чередом. Я продолжаю ходить на работу и помогать людям, попавшим в трудное положение, делать домашние дела, гулять с собакой и так далее... И лишь в минуты отдыха я думала о Маше. Да, я скупалась по ней, мне очень хотелось, чтобы этот кошмар кончился, чтобы мы встретились, обнялись и я бы попросила у неё прощение. Лёня регулярно присылал мне письма с новостями о том, что происходит в библиотеке, с кем он смог поговорить и прочее (хотя я уж купила телефон и даже скинула ему в личку номер. Ну, видимо, человеку удобнее письмо написать). Вот, например: «Привет, Танюша! Начну с дела: я наконец-то поговорил с нашим Романом (разумеется, о задержании Маши я ничего не сказал!) и он мне сообщил, в момент нападения на тебя он был на шабашке в дискотеке «Весёлый остров». Я пошлю туда своего помощника Андрея, а сам присмотрю за нашим Ромео. Ты права, какой-то этот парень гниловатый. Он, конечно, попытался изобразить мне шок от новости, но я ему не верю. Пока». Тем же вечером, придя с работы, я нашла уже в железном почтовом ящике другое письмо: это была анонимка. Содержание анонимки было таким: «Сиди тихо, старая сучка, а то тебе голову раздолбают так, что не собрать будет!». Я немедленно позвонила Лёне и Орлову, так как, прочтя это, я испугалась теперь

всерьёз. Приехавший Орлов, посмотрев анонимку, спросил меня, кому я говорила о задержании Маши?

– Об этом знает только Вера, – сказала я, – да она это и видела, а также другой мой сосед, частный детектив, Леонид Тихомиров. А больше никто.

– А зачем вы обратились к детективу? – спросил Орлов.

Пришлось и с ним поделиться своими соображениями. Ей-богу, я чувствовала себя школьницей, разбившей окно в кабинете директора и вызванной за это к нему на ковёр.

– Татьяна-Татьяна! – со вздохом произнёс Орлов, выслушав мой монолог. – Ну неужели вы думаете, что я тоже этого не понимаю? Думаете, сцапал себе девочку – и буду из неё чистосердечное вытряхивать всеми способами, а про другое и думать не буду. Да нет. Меня, признаться, тоже насторожило столь скорое и удачное раскрытие дела и я понимаю, что тут что-то не то. А что – понять не могу, да и ваша Маша молчит, как партизан в плену, слова не добьёшься. Теперь вы понимаете, какую кашу вы с вашим детективом заварили, до чего доигрались? А ну-ка этот Виноградов затаится где-нибудь и лови его, где хочешь. Ладно! Надеюсь, ваш сосед грамотный детектив.

В дверь позвонили – я подошла.

– Лёня, ты?

– Я, Таня.

Я открыла и впустила Лёню. Он, пройдя, тотчас спросил про анонимку. Я провела его в гостиную, где он встретился

с Орловым.

– Здравствуйте, Андрей Сергеевич!

– Здравствуйте! – ответил Орлов, вставая. – Так это вы частный детектив Леонид Тихомиров.

– Так точно, – сказал Лёня. – Рябинин, Леонид Алексеевич, частный детектив, а прошлом опер уполномоченный уголовного розыска, майор милиции.

– Ясно, – сказал Орлов.

– Я смотрю, Андрей Сергеевич, вы уже ознакомлены с письмом, которое получила наша потерпевшая, – заметил Лёня. – Я тоже гляну его?

– Да, конечно! – сказал Орлов и отдал листок.

– Так, – сказал Лёня, читая написанное на листе послание, – похоже, я узнаю руку «мастера»: это Виктория Дурова.

– Вы это определили по почерку? – спросил обалдевший Орлов.

– Вы будете смеяться, но да, – сказал Лёня. – Я хорошо запомнил этот ровный, красивый и крупный почерк, так как таким же почерком она мне подписывала талон на одну из книг, взятую мной в их библиотеке. Могу показать этот талон, если хотите.

– Покажите, пожалуйста! – сказал уже с интересом Орлов. Лёня принёс книгу и предъявил тот самый талон, приклеенный с обратной стороны обложки. Орлов и я посмотрели на написанное там и тут – и увидели схожесть образцов почерка.

– Татьяна, у вас есть подруги, к которым вы бы могли уехать? – спросил Орлов.

– Конечно, – сказала я.

– Возьмите всё нужное и уезжайте на день-два, – сказал Орлов. – Боюсь, что ваши подозреваемые захотят свести с вами счёты за то, что вы поломали им всю партию.

– Я всё понимаю, – сказала я, – а как же собака...

– Не волнуйся, Танюша! – сказал Лёня. – Мы приютим её пока у себя. Тем более, Данька давно у нас собаку выпрашивает – вот пусть узнает для начала поближе это животное, а также как с ним обращаться.

Я согласилась.

– А вас, Леонид Алексеевич, я попрошу оказать содействие следствию в силу сложившихся обстоятельств, – твёрдо сказал Орлов.

– Всегда готов! – ответил Лёня.

– Вы знаете адрес, где живёт гражданка Дурова? – сказал Орлов.

– Разумеется! – ответил Лёня. – Первомайская, 8, квартира 12.

Орлов тотчас же набрал операм и велел им выехать в указанный адрес для задержания девушки. В этот момент Лёня посмотрел на меня.

– Тебе чего, Таня?

– Лёня, я тебе письмом номер моего нового мобильного выслала, – сказала я, идя собираться. – Дай, пожалуйста, его

и Андрею Сергеевичу!

– А я видел, Таня! – ответил Лёня. – Сейчас дам.

Собравшись и позвонив Зине с сообщением, что я скоро буду у неё, я поцеловала Каштанку, глядевшую на меня грустными глазами, попросила её не скучать и уехала. Лёня вместе с Орловым уехали в отделение для опознания анонимщицы.

7

Хотя я езжу всегда очень аккуратно, но в тот вечер моя машина просто летела по городу, будто гоночный болид, который я гнала по дороге, желая уехать как можно дальше от страха, туда, где мне будет хоть немного покоя. Лишь на подъезде ко двору дома Зины я увидела, что за мной едет светлая иномарка под управлением молодого человека в серой кепке, белой майке и тёмных очках. «Блин горелый, неужели слежка? – думаю я. – Только этого мне не хватало». На всякий случай я прочитала в зеркале заднего вида номер машины. Встав на свободное место, я увидела, как иномарка встала рядом. «Так, Танюха, главное – не паникуй сейчас! – говорила я себе. – Давай поступим так: напиши СМС Лёне про этого типа на машине – пусть он и Орлов с ним разбираются, а дальше набери Зине, чтобы вызвать на помощь, якобы у тебя полно всего и разного, и, как можно спокойнее, иди к подъезду. И когда дверь откроется – живо ныряй туда!». Так я в общем-то и сделала, однако было одно «но»: парень

вышел и, подойдя ко мне, спросил, как проехать на улицу Гагарина, мол, заблудился он.

– Да это вам надо с Восточной, где мы сейчас, выехать налево, на Чапаева, а там направо – и будет Гагарина, – сказала я.

Парень поблагодарил меня и сел в машину, я же пошла к подъезду, где в аккурат к моему подходу открылась дверь – и я туда мигом нырнула.

– Танька, ты чего влетела, как ужаленная? –спросила обалдевшая Зина.

– На месте расскажу, – сказала я.

Придя в квартиру Зины, я ей рассказала всё: и про Машу, и про разбой, в котором её обвиняют, и про анонимку, и про возможную слежку... И тут я разревелась на всю катушку, поскольку у меня больше не осталась сил это терпеть. Я вцепилась в Зину и плакала, уткнувшись ей в плечо, а она, глядя меня, успокаивала.

– Ну, всё, Таня, давай переставать плакать и приходить в себя! – сказала тихонько Зина и я постепенно затихала.

– Ты, наверно, считаешь меня идиоткой? – спросила я, утирая глаза. – Скажи честно, не бойся! Думаешь, я заслужила то, что получила?

– Не знаю, Танюша, – сказала тихо Зина. – Ей-богу, не знаю. По мне, так ты просто несчастная баба, имеющая при этом доброе сердце и чистую душу, и желающая делиться своей добротой со всеми. Я не знаю, что тебе сказать о твоём

положении, я в нём, слава богу, не была... Но, как разведённая женщина, скажу: бог есть – и он обязательно наказывает тех, кто делает больно другим. Вот, например, когда мой Пашка ушёл от нас к новой пассии (Томке и года не было), то это ему так аукнулось, что он едва не повесился.

– Можно спросить... – начала я.

– Из-за чего он ушёл? – докончила Зина.

– Нет, что там произошло? – спросила я.

– А! – поняла Зина. – Ту женщину убили какие-то отморозки. И цена этой жизни была мелочь в её кошельке и материны серьги.

– Господи! Почти, как со мной, – заметила я и Зина со мной согласилась.

– Знаешь, Тань, я не скрою того, что долго не могла простить Паше его ухода из семьи... Но когда он пришёл сюда после всего случившегося с его любовницей и я его увидела – у меня вся злоба просто пропала. Как тебе объяснить... Вот если ты после смерти Анютки всё-таки держалась и не расквасилась, хотя тебе было весьма несладко, то Паша выглядел, как ребёнок, получивший неслабый нагоняй от отца и прибежавший поплакаться мамочке. Да, он был жалок и тут иначе не сказать. Я его, конечно, звала обратно (не совсем же я змея!) – но он решил продать ту квартиру, где он жил со своей любовницей, благо, он там был прописан, и уехать к матери. Так что, милая, потерпи – бог во всём разберётся!

Последние слова Зины малость ободрили меня и побуди-

ли улыбнуться. Конечно, бог обязательно во всём разберётся! Чуть позже, за чаем, я также узнала от Зины, почему её муж бросил... Однако, как порядочный человек и профессиональный психолог, я об этом умолчу. Едва кончился выше приведённый мной разговор, как вошла Тома, неся мой телефон.

– Тётя Таня, тут вам какой-то Леонид звонит.

– Спасибо, солнышко! – сказала я, беря телефон и не заметив, что девчонка ко мне на «вы» обратилась, хотя всегда мы были на «ты». – Да, Лёня, слушаю тебя.

– Тань, в общем мы нашли твоего преследователя и мои ребята с ним поговорили: он действительно недавно приехал в наш город на ПМЖ, толком не освоился, ехал с работы – вот и заблудился. Но ты не волнуйся, данные на этого товарища у нас есть на всякий случай и мой день-другой за ним ещё приглядят.

– Ну, слава богу, если всё так, как ты говоришь! – сказала я.

– Так что спи спокойно – всё под контролем! – сказал Лёня. – Я сейчас пойду и попробую твою Машу разговорить, пока Орлов Дурову допрашивает. Посмотрим, что у меня выйдет. Завтра позвоню.

– Тогда позвони в обеденный перерыв – это в два часа, – попросила я.

– Хорошо! – Сказал Лёня.

– До завтра, Лёня! – сказала я. Мне хотелось попросить

Лёню передать Маше, что я её очень люблю, но я решила эти слова оставить для себя, чтобы при встрече сказать ей лично.

– Так, подружка, это что за Лёня у нас нарисовался? – спросила Зина, едва я закончила разговор.

– Это мой сосед по площадке и вдобавок он частный детектив, – сказала я. – Он теперь помогает следователю распутать дело Маши.

– Ясно, – сказала Зина. – А он женат?

– Женат, – ответила я. – Причём давно и прочно, даже сын есть. А тебе зачем?

– Тань, ты только не сердись на меня, – начала Зина, – но ты с ним просто так свободно общалась, что я подумала, что у вас любовь.

– Бог с тобой, золотая рыбка! – ответила я. – Мы просто знакомы относительно давно – вот и общаемся в такой приятельской форме и с Лёней, и с Ритой, его женой. – Зина покачала головой. – Хотя, Зинуша, признаюсь тебе в одной крамольной вещи: я бы охотно закрутила с кем-нибудь любовь напоследок... Чтобы в глубокой старости было, о чём вспомнить перед смертью. Впрочем, если бог даст, то встретить эту самую старость не одной. Мне неважно, кем этот мужчина будет работать и сколько получать, лишь бы он был свободен и любил меня.

– А если он не свободен, но любит тебя? – спросила Зина. – Ты его что, отвадишь?

– Да, – твёрдо и уверенно сказала я. – Я не хочу быть ви-

новатой в разрушении семьи... Тем более, если там есть дети. Я не хочу делать им больно.

Вошла Тома и объявила, что ужин готов.

– Тётя Таня, вам пельмени с маслом или со сметаной сделать?

– Пельмени я буду с маслом, – ответила я. – А с чего это ради ты ко мне на «вы» стала обращаться? Ведь, сколько я тебя знаю, мы всегда были на «ты» и меня это не обижало.

– Да просто за время школы так привязывается это официальное общение, что по привычке и дома иногда можешь маму назвать Зинаида Михайловна, – сказала Тома.

– Ага! – отозвалась Зина, подтверждая слова дочери. – Я однажды чуть не грохнулась, когда она, зайдя предупредить меня об уходе на прогулку, назвала меня так.

– У мамы было такое лицо, как будто её застучали за паянсом в рабочее время, – сказала Тома. Я засмеялась.

– Томка, я тебя хорошо понимаю, – сказала я, сквозь смех.

– Ну идёмте, пока всё не остыло! – сказала Тома.

Поле ужина Тома отпросилась к себе, ссылаясь на усталость... Она и верно выглядела уставшей – и потому, поцеловав её и пожелав спокойной ночи, мы отпустили девчонку, а сами ещё долго болтали о многом и разном. И в этом неспешном разговоре я чувствовала себя спокойно и свободно, будто бы и не было ничего, что случилось со мной... Я ощущала себя в этот момент лежащей на песке и смотрящей в чистое голубое небо. Что я в нём вижу – не знаю... Но я

смотрю туда очень долго, забыв обо всём. Возможно, я просто любовалась красотой этого огромного, чистого и высокого неба в покое и тиши. Да, пожалуй, с этим я бы сравнила наш с Зиной разговор, прерванный пробившими полночь часами. И только тогда мы опомнились и пошли спать.

Утром, выйдя к завтраку, я первым делом глянула в окно: вчерашней белой иномарки не было. Однако я чувствовала себя слегка напряжённо: не будет этой – так кто-то другой на хвост может сесть. «Что ж делать? – думаю я. – Мне на работу нужно, а я пошевелиться боюсь... Ещё голова болит».

– Тань, ты что не ешь? – спросила Зина.

– Да голова болит, – ответила я. – Зинуша, можно, мы сегодня на твоей машине поедем? Я просто не хочу сама за руль садиться.

– Да какие проблемы! – ответила Зина. – А с головой твоей мы сейчас вопрос решим! Ты пока съешь хоть пару бутербродов с чаем, а я тебе анальгин найду.

Я постаралась засунуть в себя полпорции рисовой каши и небольшой бутерброд с маслом, запив всё это чаем. Немного погодя я приняла таблетку, которую к тому времени мне нашла и дала Зина, и пошла на минуту прилечь. Не знаю, что больше сводила меня с ума – эта боль, сверлящая мне мозг, или ощущение страха слезки? После полученной анонимки я реально испугалась за свою жизнь; и, лёжа на кровати, я неожиданно пришла к мысли, что если я сейчас поеду на ра-

боту – то подставлю под удар сразу три головы: мою, Зинину и Томину, поскольку раскрою преступнику своё тайное место. Нет, я не могу и не имею права рисковать жизнями близких мне людей. «Провались к чертям собачим эта работа – но сегодня я посижу дома!», – решила я.

– Зина! – крикнула я и Зина пришла.

– Что, Танюша, что случилось?

– Зин, можно, я сегодня у вас побуду и не поеду никуда? А ты позвони на работу и скажи, что меня увели по «Скорой» с давлением, с кризом, да хоть с холерой.

– А что ж так, Таня?

– Я боюсь, Зина, – сказала я. – Боюсь подвергать вас с Томкой опасности: ведь если кто увидит, что я у вас – нас всех перестреляют, как собак, и мы вякнуть не успеем. Зина, не думай, что у меня паранойя, я нормальная... Я просто боюсь потерять вас.

Сказав последнюю фразу, я припала к груди Зины и заплакала.

– Тихо, Таня! Тихо, тихо, тихо! – сказала Зина, хлопая меня по спине. – Значит так: я сейчас позвоню на работу и скажу, что я уехала с тобой в больницу по «Скорой», после чего позвоню родителям и попрошу приютить Томку на день-два (надо сейчас её разбудить!), а сама останусь дома с тобой и будем бояться вместе. Вместе и боится веселее!

– Это точно! – сказала я с усмешкой.

– Ну вот! – сказала Зина. – Ты уже потихоньку улыбаешь-

ся – это значит, пациент на пути к выздоровлению.

Разбудив Тому, Зина стала делать звонки, только в другой последовательности. Но от перемены слагаемых результат не меняется. Помню, провожая Тому с забиравшим её дедом, Зина наказала ей позвонить по приезду, после чего дверь закрылась и мы остались вдвоём. Честно скажу вам, друзья мои: в который раз я благодарила бога за таких подруг, как Зина и Вера. Сколько раз они, как родные, помогали мне и просто были со мной в трудные моменты моей жизни, хотя и у них самих было полно хлопот... Вот и в этот раз Зина не бросила меня в беде. И дай бог обеим моим подругам здоровья да и просто продли их дни за всё то доброе, что они для меня делают! Вот ещё одно моё откровение, которым я бы хотела поделиться: слыша, как Зина провожала Томку к своим родителям, я испытала болезненную грусть, что мне самой некого и не к кому провожать.

Надо сказать, я честно старалась отвлечься от тех мыслей, которые описала выше. Даже просто пыталась себя занять, благо, найти себе дело для меня никогда не составляло труда: скажем, сперва я помогала Зине по дому, а после мы затеяли с ней пельмени лепить (что-то нам так стало охота домашних пельменей!)... И всё же мы попеременно смотрели в окно: не делает ли кто чего с моей машиной, чтобы выманить меня. Слава богу, утро прошло спокойно.

Лёня позвонил мне в обед, как было договорено, и удивился, что я не на работе, на что я ему сказала, что мне было

плохо и что даже неотложка приезжала.

– Ясно, – сказал Лёня. – А сейчас ты как?

– Да, слава богу, Лёнь, прочухалась малость. А у вас какие новости?

– Новости хорошие! – объявил Лёня. – Начнём с того, твоя Маша сказала мне, что она не подсылала к тебе Романа, хотя бы потому, что они в тот день расскандалились в дым. А поводом для скандала было то, что Маша увидела, как Рома Целовался с Викой Дуровой, говоря, как ему с ней хорошо и так далее. А также он говорил Вике, что придумал план, как отделаться от Маши. Да только договорить не успел, как Маша влетела к ним в аппаратную и надавала Роме по морде, сказав, чтобы он катился со своей Викторией к чёртовой матери.

– Вот гад! – невольно вырвалось у меня. – А что ж она мне сказала, что они помирились? – Она не сказала, чтобы тебя не расстраивать, – ответил Лёня. – Но это не всё: слова Маши нашли подтверждение и в рассказе Вики. Правда, как сказал Орлов, сперва она не хотела говорить правды, мол, всё она сделала и придумала... Но Орлов тоже не дурак, чтобы этому поверить, и в конце концов он сказал: «Виктория Валерьевна, я не буду вас пытаться или что-то ещё такое делать... Я поговорю с вами, как простой человек. Вот вы, красивая, умная девушка, хотите пожертвовать собой ради любимого человека. Это достойно уважения! Но подумайте: а стоит ли он этой жертвы? – Вика спросила, что Орлов хочет сказать – и тот показал ей её смартфон с присланным на него ММС-

видео, где наш Ромео занимался любовью с очередной Джульеттой. Вику чуть удар не хватил. – Ну, как? Стоит ли он вашей жертвы?». И Вика, поняв, что её предали и использовали, рассказала всё: и как Рома просил её оглушить тебя и обобратить, и как они потом это всё Маше подбросили... В общем редкостная скотина этот Виноградов. А про анонимку Вика сказала, что написала её не она, а, скорее всего, Роман, так как он тоже видел её почерк, когда она давала ему иногда списки покупок, которые были нужны. Разумеется, это было в те дни, когда Роман обитал у Вики. Но это мы ещё проверим. Итог: Вика под подпиской о невыезде, А Машу отпустили!

– Слава богу! – сказала я с выдохом.

– Правда, я её тоже спрятал в надёжном месте (там её и отмоют, и откормят слегка! А то она похожа на зачуханный сухарик), – сказал Лёня. – Так что потерпи денёк-другой, пока мы того гада не схватим.

– Потерплю, Лёня! – защебетала я. – Сколько надо – столько и потерплю! А как моя Каштанка?

– Слава богу, они с Данькой подружились и всё у них проходит хорошо! – сказал Лёня. – А тебя никто никак не беспокоит?

– Да, слава богу, пока всё спокойно, – сказала я, глянув мельком в окно. – Но я всё контролирую.

– Ну, если что – звони! – сказал Лёня.

– Хорошо, – сказала я и мы простились.

Не скрою, уже одна та новость, что Маша на свободе, меня порадовала и немного утешила. Даже голову отпустило тогда. Да, мы пока не встретимся в силу известных обстоятельств, но то, что моя девочка освобождена и признана невиновной, предавало мне сил для продолжения борьбы, в которой я должна только победить! Победить ради Маши, ради человека, которого я очень люблю. И правда обязательно одержит верх!

Зину тоже порадовало освобождение Маши, что выразилось в таких крепких её объятьях, что я едва не задохнулась. После обеда я сказала Зине, что пойду прилечь, так как спина малость устала от сидения.

– Хорошо, Танюша, иди! – сказала она. – Я посуду помою и тоже поваляюсь немного с книжкой.

– Зина, а можно попросить тебя иногда за машиной поглядывать? – спросила я. Просто окно той комнаты, где я ночевала выходит на улицу, а в Зининой спальне окно выходит во двор.

– Да без проблем! – сказала она. – Думаешь, могут что-то сделать?

– Ну да, – говорю я. – У меня же машина не твоя с сигналкой: ножом её вскрыл – и тю-тю. – Ладно, присмотрю, – ответила Зина. – Но будем надеяться, что всё обойдётся.

Уходя в свою комнату, я ещё сама глянула во двор: пока всё было тихо. Но это пока!

Я проснулась от довольно резких толчков Зины и тревож-

ных криков:

– Таня, там какой-то тип возле твоей машины ходит.

Я пулей лечу на кухню. Смотрю в окно – и вижу, как длинноволосый брюнет дырявит ножом колеса у моей машины. Его лицо было спрятано платком, на глазах были очки, а на голове была бандана, которая сзади подвязывала волосы парня в хвост. Недолго думая, я сказала Зине дать мне телефон – она мгновенно мне его принесла и я позвонила Орлову и Лёне, на что мне было сказано сидеть дома и сохранять спокойствие (легко сказать, «сохраняй спокойствие!», когда какой-то поганец твою машину калечит). После этого, попросив у Зины сигарет (она иногда покуривала тайком от Тома) и закурив, я наблюдала за парнем: со стороны кажется странным, что взрослый парень пакостит, как мальчишка; однако негодяй даже и не думает убегать после сделанного, как это обычно бывает, а стоял чуть в стороне. Впечатление было, что он проколол мне колёса, чтобы спровоцировать меня на выход, а потом... Да, это была чистой воды провокация! И слава богу, что я на неё тогда не поддалась, а то вы бы не узнали этой истории. Неожиданно парень побежал – за ним двое в гражданке вдогонку. Вскоре они его вели под руки.

– Алло, Тань, выйди к нам и глянь на улов! – сказал в телефон Лёня.

Я вышла – Лёня, встретив меня, провёл к машине Орлова, где я увидела Виноградова. Он смотрел на меня с такой злой досадой, с какой, наверно, смотрит волк, упустивший свою

добычу.

– Чего смотришь, сука ментовская? – спросил он. – Рада, что мусора повязали меня? Ну, давай, пляши от радости!

– Да пошёл ты, ничтожество! – сказала я, помолчав полминуты, и ушла. Лучше того, что я сказала, я бы всё равно ничего не придумала: много чести стараться для этой мерзкой и подлой личности.

Лёня шёл рядом со мной. Едва мы подошли к подъезду, как вдруг я развернулась к нему, уткнулась ему в грудь и заплакала... Я заплакала оттого, что страшная для меня минута прошла и я осталась жива, что вновь добро победило зло.

– Что ты, Таня, что ты! – сказал он мне, глядя моё плечо, но я продолжала плакать, так как из меня просто выходил стресс. – Ну, давай, успокойся! Всё хорошо, гада этого мы поймали!

– А нож? – спросила я, утерев глаза. – Нож нашли у него?

– Нож он сбросил, – сказал Лёня. – Но ты не волнуйся, ножик я найду, а ты дуй к своей подруге и составь там исковое заявление и мы его к делу приобщим.

– Хорошо бы ещё машину сфотографировать! – предложила я.

– Правильно мыслишь! – сказал Лёня. – Действуй!

Пока Лёня искал нож, я тем временем отсняла машину и выслала фото ему на мобильный, после чего, уже у Зины, мы составили исковое заявление на сумму шестнадцать тысяч триста рублей.

– Ну вот и хорошо! – сказал Лёня. – Теперь этот засранец не отвертится: разбой по предварительному сговору на нём уже есть, порча имущества тоже; дай бог, чтобы Орлов смог его раскрутить ещё и на угрозу убийством и, вполне возможно, на покушение на убийство. А в том, что он хотел тебя убить, я не сомневаюсь.

– Аналогично! – говорю я. – Я только не пойму, как он меня нашёл?

– А это мы выясним! – сказал Лёня. – Сейчас я позвоню моим хлопцам и пусть они тряхнут того парня с иномарки ещё раз. Думается мне, что ниточка оттуда идёт. – Лёня набрал номер одного из помощников. – Алло, Федя, у вас есть адрес того парня с иномарки? Есть. Тогда дуй к нему и поговори с ним обстоятельно! Только без рукоприкладства! На связи. – вновь разговор со мной. – Я сейчас в отдел, отдам Орлову твоё заявление и фотографии. А заодно послушаю, чего там наш Ромео напоёт.

– А нам что делать? – спросила я.

– А что угодно! – сказал Лёня. – Вы теперь совершенно свободны!

– Тогда мы займёмся машиной, – сказала я. – Хотя бы приценимся, где по сколько продают камеры и шины.

– Только будьте осторожны на дороге! – сказал Лёня. Мы обещали. Когда мы выходили из квартиры, я, сама не зная зачем, спросила Лёню – нашёл ли он нож Ромы?

– Обижает, подруга! – ответил он, суя руку в карман пи-

джака. – Вот он ножечек! Надеюсь, и отпечатки на нем хорошие. Так что всё в лучшем виде. Ещё бы покрышки сvezти криминалистам... Но это завтра.

Выйдя из дому, мы разошлись: Лёня уехал в отдел, а мы с Зиной на авторынок. Хочу припомнить одну картину: мы приехали, нашли нужные нам шины и камеры, купили сразу... И вот дальше надо было видеть лицо продавца: рассчитавшись, мы повесили камеры на плечи, взяли покрышки и тихонько пошли. Так у того продавца было лицо, будто мы у него двух слонов тушками купили и эти тушки на своих плечах упёрли. Видимо, женщины у него нечастые гости, а может, он не женат и не знает, сколько всякого разного может приволочь женщина из магазина, зайдя туда лишь за хлебом. Кстати, в магазин мы тоже заехали.

Дома мы с Зиной готовили ужин и болтали, не ожидая каких-либо сюрпризов, которых нам и днём хватило по самое «не могу». И всё же без сюрпризов не обошлось: уже всё подходило к полной готовности и мы накрывали на стол, как вдруг в дверь позвонили. Мы с Зиной никого не ждали, а Лёня заранее сказал, что останется в отделе, чтобы послушать допрос Ромы.

– Кто там? – с тревогой спросила я, подойдя к двери.

– Тётя Таня, это мы! – послышалось с той стороны двери. Услышав голос Маши, такой родной, любимый и долгожданный, я отперла замок в один раз, открыла дверь и тут

же оказалась в объятьях Маши, тоже таких долгожданных... Какое-то время я не могла слова сказать от счастья встречи, целовала Машульку от души.

– Таня, полегче! – прикрикнула Зина. Я опомнилась.

– Маша, познакомься, Зинаида Михайловна Караваева, моя коллега и подруга, – сказала я и Маша с Зиной пожали друг другу руки.

– Тётя Таня, а это Мила, помощница частного детектива и моя новая подруга, – сказала Маша, указав на весьма красивую девушку с тёмными и вьющимися волосами, в белых брюках и красной рубашке с коротким рукавом. Мы тоже пожали руки.

– Ну, что, девушки, пройдёмте к столу! – сказала я.

– Спасибо, конечно, но меня бабушка ждёт, – сказала Мила. – Пока, Маша. Звони!

– Ты тоже не пропадай! – сказала Маша и девушки простились.

– Кушать будешь? – спросила я Машу.

– Да, – сказала она. – Только руки помою.

– Я принесу тебе полотенце, – сказала я. Зина объяснила, где лежат полотенца, а сама пошла накрывать на стол. Найдя полотенце, я буквально полетела в ванную. – Вот, Машуля, твоё полотенце... Маш, прости меня, пожалуйста.

– Да я тебя давно простила, тётя Таня, – сказала Маша. – Ведь я люблю тебя. Честное слово!

– Я тоже люблю тебя, – сказала я.

– Девочки, где вы там? – крикнула Зина и мы пошли ужинать.

За столом было хорошо, даже радостно! Чувствовалось, что тут сидят люди, которые очень любят друг друга и бесконечно близки. И, казалось, будто мы собрались за столом не после всех этих нелепых, страшных, мучительных перипетий, а просто приехали к Зине в гости, ужинаем и тихонько болтаем о всяком разном, шутим, смеёмся, веселимся... А главное – мне тогда сиделось легко рядом с Машей, поскольку она меня сумела простить. Ведь если бы было наоборот – Маша бы вряд ли вообще ко мне приехала и мы бы не обнялись, не поцеловались... И кто знает – увиделись ли мы вообще тогда хоть раз? Но, слава богу, всё кончилось хорошо! Не буду скрывать, мне очень хотелось приласкать Машу по-матерински, немного потискать, поболтать с ней наедине... И вскоре у нас появилась такая возможность: заметив слегка потускневший взгляд Маши, я спросила, что с ней?

– Да я просто малость устала, – сказала она. – Вроде ничего не делала сильно, а устала, как будто вагон разгрузила и не один. Я, пожалуй, домой поеду.

– Так в чём дело? – сказала Зина. – В гостиной постелить постель да и всё!

– Зинаида Михайловна... – начала Маша, но Зина её перебила:

– Лучше просто Зина или хотя бы тогда тётя Зина.

– Хорошо, тётя Зина! – согласилась Маша. – Так вот, тётя

Зина, я бы не хотела доставлять вам хлопот со мной, тем более, мне завтра на работу...

– Никаких хлопот! – ответила Зина. – И на работу мы тебя отвезём! Тебе куда и ко сколько?

– В центральную библиотеку к пол девятому, – сказала Маша.

– Нам к пол десятому – так что довезём! Тань, помоги мне! – сказала Зина. Я поддержала её и Маша сдалась. Помню, Зина, вернувшись после выдачи постели Маше на кухню и увидев меня у мойки, сказала мне:

– Танюша, ты иди к Маше, я сама помою посуду. Я же вижу, вам вдвоём покурлыкать хочется. Иди!

Я, поцеловав Зину за понимание, шмыгнула к Маше. Она, уже переодетая в ночную рубашку, стелила постель. Я помогла ей доделать это и мы легли вместе.

– Знала бы ты, тётя Таня, как мне было грустно без тебя, – сказала Маша. – Конечно же, я сперва была обижена на тебя; но когда Леонид Алексеевич поговорил со мной и убедил меня, что ты обратилась к нему, потому что любишь меня и хочешь помочь, что ты извинишься за свои слова, сказанные горяча (а это было непросто!), я поверила ему и рассказала всё. И, слава богу, не ошиблась: мы наконец-то снова вместе! А знаешь, чего бы мне очень-очень хотелось?

– И чего же? – спросила я.

– Я бы очень хотела попробовать называть тебя мамой, мамочкой... Можно? – спросила Маша, глядя мне в глаза

таким взглядом, будто бы это не желание человека, а мольба.

– А почему бы нет, девочка моя! – сказала я, осыпав Машино лицо поцелуями. – Я буду только рада этому!

– Спасибо! – сказала Маша и поцеловала меня в ответ. – А как ты только будешь людям объяснять всю эту метаморфозу?

– Ничего, объясним! – уверенно сказала я. – Слава богу, эти люди понятливые. Да, в конце концов, есть ещё одна идея: покрестить тебя. Ты ведь не крещёная?

– Увы, – с вздохом сказала Маша. – В детдоме как-то не думали об этом.

– Ну вот! – говорю я. – А я стану твоей крестной матерью.

– Это ты хорошо придумала, тётя... Ой, прости, мама! – споткнувшись, сказала Маша. Я, улыбнувшись, подумала: «Ничего, привыкнет!».

Зазвонил телефон, прервав наш такой тёплый и добродушный разговор. Это был Лёня. Если в двух словах – то он сообщил, что Роман признался и в разбойном нападении на меня с целью бросить Машу, и в намерение меня убить, когда понял, что вся партия разрушена... Он понял, что влип нехило. Правда, по законам жанра, он говорил, идея с разбоем принадлежала Вике, как и анонимка – её работа. Словом, Иван кивает на Петра, а Пётр на Ивана. Но главное – Роман действительно нанял своего приятеля, дабы проследить за мной до квартиры, где скроюсь, но я вновь всё расстроила, запомнив номер. Поэтому Роман и пропорол колё-

са, надеясь выманить меня, увезти подальше и убить. На вопрос Лёни, почему Рома не расстался с Машей без всех этих сложностей, тот цинично сказал: «Не люблю сопливых и банальных сцен».

Кончив разговор с Лёней и пожелав ему спокойной ночи, я вернулась к Маше. Она уже спала и я тихонько улеглась рядом. Мне тотчас вспомнился наш разговор и я нескладно обрадовалась самому тёплому и нежному слову, прозвучавшему в нём: «мама». Господи, какое счастье вошло в моё сердце с этим словом! Сколько тепла, любви и света оно туда внесло! И я готова любить Машу с тысячекратной силой, лишь бы она называла меня мамой. Да, конечно, Маша всё узнает и про Рому, и про Вику, и про всё, и ей будет очень больно. Но эта боль со временем пройдёт, если с Машей буду я, мама. Её мама!

29 12 2017г.